

TEMPUS
ET
MEMORIA

TEMPUS ET MEMORIA

Журнал основан в 2006 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Издатель: Издательство Уральского университета, 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-79281 от 02 октября 2020 г.

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Мы представляем единственный в России журнал, который специализируется на проблемах изучения социальной, исторической, культурной памяти и социальной темпоральности. В журнале печатаются статьи по философии, политологии и истории. Материалы представлены в рубриках по проблемам, разработка которых требует совместных усилий философов, историков и политологов. Редакционная политика «Tempus et Memoria» строится на принципах научного плюрализма: позиция авторов журнала не обязательно отражает точку зрения редколлегии. Редакция журнала стремится соответствовать строгим критериям научности, все материалы проходят двойное слепое рецензирование. К рецензированию и печати принимаются материалы на русском и английском языках. Особое внимание уделяется участию молодых перспективных исследователей — аспирантов или соискателей. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

E-mail: tempusetmemoria@urfu.ru

Сайт: tempusetmemoria.ru

Адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319, «Tempus et Memoria»

© Уральский федеральный университет, 2022

TEMPUS ET MEMORIA

The Journal was founded in 2006
Published two times per year

Founded by Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russia

Publisher: Ural University Press
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media. Mass media registration certificate EL FS77-79281
as of October 02, 2020

The Journal is indexed in: Science Index (eLibrary)

The journal publishes articles on philosophy, history and political science. The materials are presented under the headings on problems, the development of which requires the joint efforts of philosophers, historical and political scientists. The editorial policy of «Tempus et Memoria» is based on the principles of scientific pluralism: the position of the authors of the journal does not necessarily reflect the point of view of the editorial board. The editors of the journal strive to meet strict criteria for scientificity, all materials undergo double-blind peer review. Materials in Russian and English are accepted for review and printing. Particular attention is paid to the participation of young promising researchers — graduate students or applicants. Publications in the journal are carried out on a non-commercial basis.

Email: tempusetmemoria@urfu.ru
tempusetmemoria.ru

Editorial Office Address: 51, room 319, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Tempus et Memoria

© Ural Federal University, 2022

Главный редактор

О. В. Головашина, д. ф. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ответственный секретарь

Е. С. Лебедь (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Редакторы разделов

А. А. Линченко, к. ф. н. (Россия, Липецк, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ) — редактор раздела по философии

А. И. Миллер, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге) — редактор раздела по политологии

К. Д. Бугров, д. и. н. (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук) — редактор раздела по истории

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М. Г. Агапов, д. и. н. (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет)

Д. А. Аникин, к. ф. н. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Е. В. Беляева, к. ф. н. (Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет)

А. Г. Васильев, к. и. н. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

И. О. Дементьев, к. и. н. (Россия, Калининград, Балтийский федеральный университет)

Д. В. Ефременко, д. п. н. (Россия, Москва, Институт научной информации по общественным наукам РАН)

Е. Махотина, PhD (Германия, Бонн, Рейнский университет Фридриха Вильгельма в Бонне)

А. С. Меньшиков, к. ф. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. В. Михалев, д. п. н. (Россия, Улан-Удэ, Бурятский государственный университет)

М. М. Мчедлова, д. п. н. (Россия, Москва, Российский университет дружбы народов)

Ф. В. Николаи, д. ф. н. (Россия, Нижний Новгород, Мининский университет)

И. О. Пешков, PhD (Польша, Познань, Университет им. Адама Мицкевича)

О. С. Поршнева, д. и. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

М. Е. Соболева, д. ф. н. (Австрия, Клагенфурт, Альпийско-Адриатический университет Клагенфурта)

Е. О. Труфанова, д. ф. н. (Россия, Москва, Институт философии Российской академии наук)

Е. С. Черепанова, д. ф. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Миллер, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге) (**председатель**)

Ш. Бергер, PhD (Германия, Бохум, Рурский университет в Бохуме)

В. А. Кокшаров, к. и. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

М. Ларюэль, PhD (США, Вашингтон, Университет Джорджа Вашингтона)

Н. А. Ломагин, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге)

О. Ю. Малинова, д. ф. н. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

Т. Л. Никодемо, PhD (Бразилия, Сан-Паулу, Университет Кампинас)

Л. Ноймайер, PhD (Франция, Париж, Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна)

Л. П. Репина, д. и. н. (Россия, Москва, Институт всеобщей истории Российской академии наук)

Р. Саква, PhD (Великобритания, Кентербери, Кентский университет)

В. Н. Сыров, д. ф. н. (Россия, Томск, Томский государственный университет)

Б. Тренчени, PhD (Венгрия, Будапешт, Центральный Европейский университет)

М. Б. Хомяков, д. ф. н. (Кыргызстан, Бишкек, Университет Центральной Азии)

Дизайн обложки — Ольга Язовская

Editor-in-Chief

O. V. Golovashina, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

Managing Editor

E. S. Lebed (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

Partition editor

A. Linchenko, PhD (Russia, Lipetsk, Financial University under the Government of the Russian Federation), Philosophy Section Editor

A. Miller, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg), Political Science Section Editor

K. Bugrov, (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences), History Section Editor

EDITORIAL BOARD

M. Agapov, PhD (Russia, Tumen, University of Tyumen)

D. Anikin, PhD (Russia, Moscow, Moscow State University)

E. Belyaeva, PhD (Belarus, Minsk, Belarusian State University)

E. Cherepanova, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

I. Dementev, PhD (Russia, Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University)

D. Efremenko, PhD (Russia, Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences)

E. Makhotina, PhD (Germany, Bonn, University of Bonn)

M. Mchedlova, PhD (Russia, Moscow, RUDN University)

A. Menshikov, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

A. Mikhalev, PhD (Russia, Ulan-Ude, Buryat State University)

F. Nikolai, PhD (Russia, Nizhny Novgorod, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University)

I. Peshkov, PhD (Poland, Poznan, Adam Mickiewicz University in Poznan)

O. Porshneva, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

M. Soboleva, PhD (Austria, Klagenfurt, University of Klagenfurt)

E. Trufanova, PhD (Russia, Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

A. Vasilyev, PhD (Russia, Moscow, National Research University Higher School of Economics)

EDITORIAL COUNCIL

A. Miller, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg) (**Chairman**)

S. Berger, PhD (Germany, Bochum, Ruhr University Bochum)

M. Homyakov, PhD (Kyrgyzstan, Naryn, University of Central Asia)

V. Koksharov, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

M. Laruelle, PhD (USA, Washington, George Washington University)

N. Lomagin, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg)

O. Malinova, PhD (Russia, Moscow, National Research University Higher School of Economics)

T. L. Nicodemo, PhD (Brazil, São Paulo, University of Campinas)

L. Neumayer, PhD (France, Paris, Université de Paris 1 Panthéon-Sorbonne)

L. Repina, PhD, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences)

R. Sakwa, PhD (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Canterbury, University of Kent at Canterbury)

V. Syrov, PhD (Russia, Tomsk, Tomsk State University)

B. Trencsényi, PhD (Hungary, Budapest, Central European University)

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

ПАМЯТЬ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

- Головашина О. В.**
Исторический факт как место памяти:
П. Нора и исследования локального прош-
лого..... 6
- Бугров К. Д.**
Креативные стратегии трубных предпри-
ятий Урала: между реиндустриализацией
и мемориализацией 13
- Андрисенко С. А.**
Взаимодействие памяти мигрантов и при-
нимающего общества как фактор развития
региональной идентичности: случай Кеме-
ровской области 23

АКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

- Корнющенко-Ермолаева Н. С.**
Особенности смысловой трансляции кол-
лективной исторической памяти..... 30
- Овчинников А. В.**
«История старших»: историческая поли-
тика Дома Дружбы народов г. Казани 37
- Постникова А. А.**
Русская кампания в памяти Франции во вто-
рой половине XIX в.: между «памятью-
победой» и «памятью-травмой»..... 47
- Батищев Р. Ю.**
Военные коммеморации Русской право-
славной церкви как механизм конструиро-
вания гражданской религии в современной
России 56
- Беклямишев В. О.**
Конструирование образа голода 1932–
1933 гг. в дискурсе Русской православной
церкви Московского патриархата 61

MEMORY OF THE LOCAL COMMUNITIES

- Golovashina O. V.**
Historical Fact as a Place of Memory: P. Nora
and Research into the Local Past..... 6
- Bugrov K. D.**
Creative Strategies of Ural Pipe Companies:
Between Technological Heroism and
Memorialization..... 13
- Andrisenko S. A.**
The Interaction of the Memory of Migrants
and the Hosting Community as a Factor
in the Development of Regional Identity:
the Case of the Kemerovo Region..... 23

ACTORS OF SOCIAL MEMORY

- Kornyushchenko-Ermolaeva N. S.**
Features of Semantic Translation of Collective
Historical Memory..... 30
- Ovchinnikov A. V.**
“The History of the Elders”: the Historical
Policy of the House of Friendship of Peoples
of Kazan..... 37
- Postnikova A. A.**
Russian Campaign in the Memory of France
in the Second Half of the XIX Century: between
“Memory-Victory” and “Memory-Injury” 47
- Batishchev R. Yu.**
War Commemorations of Russian Orthodox
Church as the Mechanism to Construct Civil
Religion in Modern Russia 56
- Bekliamishev V. O.**
Construction of the Image of Soviet Famine
of 1932–1933 in Russian Orthodox Church’s
Discourse 61

Научная статья

УДК 930:001.92 + 930.1 + 101.3 + 94:159.153 + 316.346.36:150.953

doi 10.15826/tetm.2022.3.032

Исторический факт как место памяти: П. Нора и исследования локального прошлого

Оксана Владимировна Головашина

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

ovgolovashina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9911-175X>

Аннотация. Отмечая трудности с дефиницией понятия исторического факта и проблемы, связанные с историческим фактом в региональной истории, автор предлагает обратиться к дискурсивному аппарату П. Нора, исходя из того, что места памяти, о которых писал французский историк, можно рассматривать как теоретическую оптику, использование которой позволит противопоставить операционному отношению к истории осмысление и схватывание прошлого. В статье были отмечены сложности с переводом понятия «места памяти», влияние предшественников (Э. Лависса, Ф. Броделя, М. Фуко, В. Бенямина, а также М. Хальбвакса и Ф. Йейтс) и обосновано, что проект мест памяти был направлен на пересмотр сложившейся прежде концепции нации. Опираясь в основном на тексты П. Нора, автор приходит к следующим выводам: 1. Дискуссионность мест памяти позволяет противопоставить их условному государственному историческому нарративу и традициям историописания. Исторический факт в такой трактовке ускользает от однозначных интерпретаций, оказываясь не частью механизма сконструированной государственной истории, а выступает в качестве актора локальной истории, истории групп, сообществ. 2. Исторические факты, как места памяти, могут мыслиться как определенного рода «останки» прошлого, которые, несмотря на множественность интерпретаций, сохраняют свое значение. Это позволяет избежать крайне конструктивистской трактовки исторического факта. 3. Изменения, характерные для мест памяти, позволяют рассматривать исторический факт в динамике.

Ключевые слова: места памяти, исторический факт, локальная история, исторический нарратив, Нора, философия истории, историческая память

Для цитирования: Головашина О. В. Исторический факт как место памяти: П. Нора и исследования локального прошлого // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 6–12. doi 10.15826/tetm.2022.3.032

Original article

Historical Fact as a Place of Memory: P. Nora and Research into the Local Past

Oksana V. Golovashina

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

ovgolovashina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9911-175X>

Abstract. Noting the difficulties in the definition of the concept of historical fact and the problems associated with the historical fact in regional history, the author proposes to refer to the discursive apparatus of P. Nora. The author proceeds from the fact that the places of memory, about which the French historian wrote, can be seen as a theoretical lens, the use of which will allow to contrast the operational attitude to history comprehension and grasping of the past. The article noted the difficulties in translating the concept of 'places of memory', the influence of predecessors (E. Lavissee, F. Braudel, M. Foucault, W. Benjamin as well as M. Halbwachs and F. Yates) and justified that the project of places of memory was aimed at revising the previously established concept of the nation. Relying mainly on the texts of P. Nora, the author reaches the following conclusions. 1. The discursiveness of memory sites allows to contrast them with the conventional state historical narrative and traditions of historiography. The historical fact in this interpretation escapes unambiguous interpretations, being not part of the mechanism of constructed state history, but acts as an actor of local history, the history of groups, communities. 2. Historical facts as places of memory can be thought of as a kind of "remains" of the past which, despite the plurality of interpretations, retain their significance. This avoids a highly constructivist interpretation of historical fact. 3. The changes characteristic of places of memory allow us to consider the historical fact in a dynamic way.

Keywords: places of memory, historical fact, local history, historical narrative, Nora, philosophy of history, historical memory

For citation: Golovashina, O. V. (2022). Istoricheskij fakt kak mesto pamjati: P. Nora i issledovanija lokal'nogo proshlogo [Historical Fact as a Place of Memory: P. Nora and Research into the Local Pasty]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 6–12. doi 10.15826/tetm.2022.3.032

Л. Ранке отметил, что задача историка состоит в том, чтобы показать, как все было на самом деле [Иванов, Коршунов, Петров, 159]. Этот тезис вряд ли может выступить в качестве основы исторической эпистемологии, так как у исследователя прошлого нет прямого доступа к объекту его изучения, а онтологический статус «того, что было», тем более «на самом деле», вызывает больше вопросов, чем предлагает какие-либо ответы. Современная трактовка исторического факта, как прежде всего гносеологической категории, позволяет интерпретировать его как знание о прошлом, а не реально случившееся событие. Вместо принятой позитивистами трактовки исторического факта как сообщения источника, соответствующего действительно произошедшему, речь идет о нем как о фрагменте прошлого, недоступного нам самого по себе, но сконструированного историками. Следствием этой трактовки является повышение

значимости вопросов исторического познания, соотношения реальности и ее реконструкции. Если история понимается не как исследование «того, что было», а в качестве определенной интерпретации какой-либо информации, часть из которой также представляет собой конструкт, то на уровне осмысления отдельных категорий, в том числе понятия исторического факта, дискуссии переходят в модус исследования реальности. Однако констатация исторического факта вместо принятой в позитивизме его онтологической интерпретации как конструкта, создаваемого учеными, ставит под вопрос возможность объективного познания прошлого. Если исторические факты являются продуктом деятельности историка, то чем его работа отличается от ремесла писателя? Как можно доверять знанию, построенному на конструктах, созданных конкретными людьми?

Применительно к региональной истории проблема исторического факта, если

продолжать оценивать его как гносеологическую категорию, усложняется наличием федерального исторического нарратива, рамка которого влияет на конструирование регионального исторического факта, выступая в качестве своеобразной метапозиции. Факты региональной истории зачастую оказываются иллюстрациями каких-либо федеральных процессов и закономерностей или частью исторического факта, имеющего значение для всего государства, теряя таким образом свое индивидуальное значение. Историк, как представитель определенного сообщества, транслирует дискурсивные практики и язык описания, характерные для этого сообщества, но обращение к локальной истории диктует необходимость выработки новых языков описания.

В данной статье мы предлагаем, сохраняя гносеологическую интенцию исторического факта, тем не менее отойти от крайней конструктивистской его интерпретации. На наш взгляд, подходящей оптикой для решения таких задач может быть предлагаемая П. Нора концепция мест памяти. Поводом для обращения к этой теме стала замеченная среди современных исследователей тенденция отождествления мест памяти с какими-либо памятниками. Подобная трактовка, на наш взгляд, повышает метафоричность текстов представителей *memory studies* и делает невозможными концептуальные выводы. Мы считаем, что места памяти — это не только своеобразный взгляд на историю Французской Республики, но и теоретическая оптика, использование которой позволит противопоставить операционному отношению к истории осмысление и схватывание прошлого. Распространение понятия и отсутствие его четкого определения привели к тому, что среди ученых места памяти чаще используются как метафора, а не как исследовательская оптика, однако, на наш взгляд, эвристический потенциал предлагаемого Нора инструмента может быть полезен исследователям локальной истории. Соглашаясь с гносеологической интерпретацией исторического факта, Нора настаивает на том, что место памяти тем не менее связано с реальностью прошлого. Представив краткую характеристику проекта французского историка, мы покажем эвристический потенциал предлагаемой Нора оптики и ее возможное

использование в исторической эпистемологии.

«Места памяти» — это грандиозный проект, участие в котором принимали 125 человек, результатом их работы стал труд объемом почти в 5 тыс. страниц. Идея мест памяти была развита исследователями других стран на соответствующем материале [Isnenghi; *Lieux de memoire et identites nationales*; *Waar de Blanke Top der Duinen*; *Erinnerungsorte der DDR*], некоторые авторские коллективы выходили за пределы национальной истории [*Transnationale Gedachtnisorte in Zentraleuropa*; *Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa*; *Europaische Erinnerungsorte*] и переносили оптику Нора на другие исторические периоды [Rose; Tamás].

Перевод «*lieu de mémoire*» на русский язык как «место памяти» стоит признать не слишком удачным (ср. с англ. *realms* или испанским *entorno* (установка), *contexto* (контекст)), так как акцент прежде всего на пространственном аспекте приводит к тому, что места памяти практически отождествляются с памятниками и монументами. Подобная трактовка не соответствовала первоначальному замыслу Нора, который вместо линейности прежней историографической традиции предложил мозаичность отдельных взглядов, историю символического типа [Nora, 12]. Определяя это понятие, он говорит о материальности, функциональности и символичности мест памяти [Ibid., 40], в дальнейшем акцентируя последнюю характеристику, называя места памяти символическим инструментом [Ibid., 138]. Опираясь на представления М. Хальбвакса о детерминации образов прошлого социальными рамками и их пространственной обусловленности [Хальбвакс], Нора использует исследования Ф. Йетс, рассматривающей средневековые мнемотехники как концептуальную схему [Йейтс].

При разработке своего проекта Нора также обращался к примеру французского историка Эрнеста Лависса (1842–1822) [Nora], который в своей многотомной работе создал позитивистский канон видения французской истории, однако, подражая Лависсу в его амбициях, Нора стремился «разрушить этот раздражающий жанр “Истории Франции”, разъяв единый и непрерывный рассказ» [Nora, 12], и представить места памяти как адекватное настоящему прочтение прошлого, то есть

репрезентацию прошлого Франции, но через образы (*lieu de mémoire*), а не через историографию. Свою критику предшествующей историографии сам Нора связывает с влиянием школы Анналов, пересмотревших традиции исторического описания, в частности Ф. Бродемом, который одним из первых предложил новую модель времени в истории. Вдохновляясь работами М. Фуко и В. Беньямина, Нора противопоставляет линейному времени разрывы и системы практик, историзму — романтизированный опыт и воспоминания, акцентируя внимание на имманентной оппозиционности памяти, однако, в отличие от своих предшественников, настаивающих на конфликтности исторического, он позиционирует места памяти как консенсус, а не видение победителей.

Отметим также, что проект Нора получил распространение в период «недоверия к метанарративам» (Ж.-Ф. Лиотар), повлиявшим на представления о прошлом и способы его исследования. «Подлинное» знание, о котором говорил позитивизм, было переосмыслено как социальный конструкт или языковая практика, а расшифровка риторических образов стала главной целью исторических исследований. Прошлое больше не является гарантией будущего, в этих условиях память кажется обещанием непрерывности; вместо линейности времени мы можем говорить о памяти как о посреднике в ситуации инверсии времени. Для Нора память, как и история, это способ, при помощи которого люди обращаются к своему прошлому, однако история более сконструирована, так как связана с удовлетворением необходимости в построении национальной идентичности, а не потребностями отдельных групп. Память в трактовке Нора, как заметил его соавтор Ф. Артог, представляет собой историю второй степени; то есть, показав кризис исторической эпистемологии и невозможность осмысления прошлого прежними методами, Нора представил пример того, как историк может найти путь «между слепым вопросом и просвещенным ответом, между общественным давлением и уединенным терпением лаборатории, между теми, кто чувствует, и теми, кто знает» [Hartog, 18]. Предлагаемая Артогом концепция «режимов историчности» [Артог] как определенная объяснительная модель, проясняющая

переживание времени в различные периоды, развивает высказанные Нора идеи.

С точки зрения С. Кляйна, Нора романтизировал и деполитизировал память, показав ее в качестве «естественной формы дискурса для людей без истории» [Klein, 138]. Проект Нора был направлен на «отрицающую националистическую версию галоцентристской, имперской и универсалистской нации» [Nora, 64]; по его мнению, лучшее, что может сделать для своей страны историк, это способствовать тому, чтобы мысль о нации не являлась монополией националистов [Finkielkraut, 259]. Новый взгляд на прошлое, который пропагандирует Нора в своем проекте, приводит к необходимости пересмотра сложившейся в XIX в. концепции нации. В заключительной к проекту статье Нора отрицает идеи Э. Ренана и пишет о нации как об общности, сформированной не историей и образом будущего (культ наций и повседневный плебисцит), а восхищением культурой и природой Франции [Nora, 142]. Этот тезис позволяет обосновать возможность применения оптики французского историка для исследования локального прошлого, противостоящего националистической и общегосударственной риторике. Для этого мы более подробно рассмотрим выдвигаемую им концепцию «мест памяти».

Помимо отмеченных самим автором признаков (материальности, функциональности, символичности, о чем мы писали выше) можно выделить еще ряд аспектов, которые важны для понимания *lieu de mémoire*. Именно эти аспекты, на наш взгляд, позволяют обосновать использование мест памяти для осмысления исторических фактов и показывают потенциал применения идей, высказанных французским историком, для понимания локального прошлого.

Во-первых, Нора подчеркивает, что места памяти всегда связаны с дискуссионностью, которая, однако, не противоречит отмеченному выше консенсусному характеру *lieu de mémoire*. Поводом для дискуссии оказывается определенное напряжение между коммеморацией и забвением чего-либо, связанного с местом памяти. Это качество позволяет Нора переосмыслить связь прошлого и национальной идентичности, лежащей в основе критикуемых им историографических проектов. Применительно к задачам,

поставленным в этой статье, нам важно подчеркнуть, что такая трактовка мест памяти позволяет противопоставить их условному государственному историческому нарративу и традициям историописания. Понятый в качестве мест памяти исторический факт, в силу множественности интерпретаций, ускользает от однозначных трактовок, положения в каком-либо последовательном историческом нарративе. Нора противопоставляет созданную Лависсом Францию «Франциям» (так назывался один из блоков проекта «Места памяти»); мы можем вслед за ним говорить о множественности мест памяти, позволяющих осмыслить то прошлое, которое находилось на обочине внимания официальной историографии. Исторический факт в этой ситуации оказывается не частью механизма сконструированной государственной истории, а выступает в качестве актора локальной истории, истории групп, сообществ и т. д. Такая интерпретация показывает связь проекта Нора с работами Фуко и Бенъямина, однако Нора говорит не о конфликте и истории как дискурсе победителей, а о возможности и необходимости диалога.

Региональные исторические нарративы, на наш взгляд, являются прежде всего источником разных интерпретаций и того видения исторических событий, которое было нивелировано государственным историческим нарративом. В отличие от позитивистского представления об историческом факте места памяти позволяют больше внимания уделять внутренним законам, по которым развиваются наши представления о прошлом, и акцентировать агентность исторических фактов.

Во-вторых, Нора определяет *lieu de mémoire* как «останки», имея в виду, что места памяти представляют собой реликты тех настоящих связей с прошлым, которые были потеряны при распространении современных исторических представлений. Исторические факты, таким образом, могут мыслиться как определенного рода «останки» прошлого, которые, несмотря на множественность интерпретаций, сохраняют свое значение. Это позволяет избежать крайне конструктивистской трактовки исторического факта, которая, если ее принять, помешает различению исторической монографии и художественного романа. «Останки», о которых говорит П. Нора,

пересекаются с распространенной в исторической эпистемологии идеей «следов» [Дройзен; Krämer; Буллер], по которым историк конструирует прошлое. Но если онтологический статус «следа» вызывает споры исследователей, то «останки», с точки зрения Нора, сохраняют объективность прошлого, хотя разрыв между материальностью и репрезентацией дает больше простора воображению, чем историческому исследованию.

Нора заменяет историческую модель описания мемориальной; оптика мест памяти позволяет, сохраняя относительную объективность в описании исторического процесса, делать акцент на конструировании представлений о прошлом, а не на их отражении. При этом исторический факт как место памяти («останки») имеет способность сопротивляться интерпретациям, то есть, сохраняя представления о возможности доступа к прошлому, Нора критикует претензии позитивистской историографии на познание прошлого как реальности.

В-третьих, описывая коммеморативные практики, которые связаны с местами памяти, Нора обращает внимание на то, как они определяют идентификацию группы. Вместо ритуальных практик традиционного общества место памяти «скрывает, облачает, устанавливает, создает, декретирует, поддерживает с помощью искусства и воли сообщество, глубоко вовлеченное в процесс трансформации и обновления, сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого» [Нора, 26], то есть место памяти само по себе оказывается источником смыслов, формирующих идентичность сообщества через представления сообщества о своем прошлом. Таким образом, Нора не настаивает на том, что у нас есть доступ к объективному прошлому (он высоко ценил школу Анналов), но мы имеем возможность учитывать условия конструирования. Благодаря таким «останкам» не допускается ассимиляция прошлого историей, а исторический факт может быть осмыслен в том числе через социальные рамки, о которых говорил М. Хальбвакс, и контрпамять Фуко.

В-четвертых, изменения, характерные для мест памяти, позволяют рассматривать исторический факт в динамике, которая ранее

считалась атрибутом только исторического нарратива. Источниками этих изменений могут быть указанная выше дискуссионность или возможные различные интерпретации. Но важно подчеркнуть, что эти изменения не всегда приводят к появлению новых мест памяти или нового исторического факта.

Так, понятие «место памяти» позволяет признавать его агентность и, следовательно, говорить об агентности исторического факта. Это позволяет трактовать места памяти как институты, в которых накапливается и кристаллизуется современная память.

Таким образом, система Нора отменяет линейную каузальность, которую постулировало прежнее историческое знание, предлагая взамен эстетический взгляд на останки прошлого. Мы, вслед за Артогом, предлагаем увидеть в местах памяти Нора эвристический инструмент, представляющий собой определенную оптику для исследования и переосмысления прошлого. Конечно, мы не говорим о полном отождествлении мест памяти и исторического факта, однако подчеркиваем, что отдельные исторические факты могут мыслиться как места памяти.

Список источников

- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/poryadok-vremeni-rezhimy-istorichnosti.html> (дата обращения: 23.09.2022).
- Буллер А. Три лекции о понятии «след». СПб. : Алетейя, 2016.
- Дройзен И. Г. Историка: Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб. : Владимир Даль, 2004.
- Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. М. : Высш. шк., 1981.
- Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб. : Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007.
- Deutsche Erinnerungsorte: eine Auswahl / Hrsg. E. François, H. Schulze. Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 2005.
- Erinnerungsorte der DDR / Hrsg. M. Sabrow. München : Beck, 2009.
- Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa. Erfahrungen der Vergangenheit und Perspektiven / Hrsg. M. Weber. München : Oldenbourg Verlag, 2011.
- Europäische Erinnerungsorte / Hrsg. P. Boer. München : Oldenbourg Verlag, 2012. 3 Bd.
- Finkielkraut A. Qu'est-ce qu'être français aujourd'hui? Entretien avec Pierre Nora et Paul Thibaud // Finkielkraut A. Qu'est-ce que la France? Paris : Stock, 2007. P. 256.
- Hartog F. Croire en l'Histoire. Paris : Flammarion, 2013.
- Isnenghi M. I luoghi della memoria. Roma-Bari : Laterza, 1997.
- Klein K. L. On the emergence of memory in historical discourse // Representations. 2000. № 69. P. 127–150.
- Krämer S. Was also ist eine Spur? Und worin besteht ihre epistemologische Rolle? Eine Bestandsaufnahme // Eine Bestandsaufnahme. Frankfurt am Main, 2007. S. 14–19.
- Lieux de memoire et identites nationales / dir. P. den Boer, W. Frijhoff. Amsterdam : Amsterdam University Press, 1993.
- Nora P. Ernest Lavis: Son rôle dans la formation du sentiment national // Revue historique. 1962. № 463. P. 73–106.
- Rose D. S. Lieux de Mémoire, Central Places, and the Sanctuary of Ribemont-sur-Ancre: A Preliminary Look / eds. M. J. Mandich, T. J. Derrick, S. Gonzalez Sanchez, G. Savani, E. Zampieri // Proceedings of the Twenty-Fifth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, Leicester 2015. Oxford : Oxbow Books, 2016. P. 57–75.
- Tamács B. Ghosts as Sites of Memory / P. Varga, K. Katschtaler, D. E. Morse, M. Takács (szerk.) // Loci Memoriae Hungaricae I: The Theoretical Foundations of Hungarian 'lieux de mémoire'. Debrecen : Debreceni Egyetemi Kiadó, 2013. P. 152–168.
- Transnationale Gedächtnisorte in Zentraleuropa / Hrsg. J. Le Rider, M. Csáky, M. Sommer. Wien; München; Bozen : Studien Verlag, 2002.
- Waar de Blanke Top der Duinen. En Anderevaderlandse Herinnerigen / ed. van N. C. F. Sas Amsterdam : Pandora pockets, 1995.

References

- Artog, F. (2008). Porjadok vremeni, rezhimy istorichnosti [Order of Time, Modes of Historicity]. *Neprikosnovennyj zapas*, 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/poryadok-vremeni-rezhimy-istorichnosti.html> (data obrashhenija: 23.09.2022).
- Buller, A. (2016). *Tri lekicii o ponjatii "sled"* [Three Lectures on the Concept of "Trace"]. Saint-Petersburg: Aletejja Publ.
- Drojzen, I. G. (2004). *Istorika. Lekcii ob jenciklopedii i metodologii istorii* [The Historian. Lectures on Encyclopedia and Methodology of History]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.
- Deutsche Erinnerungsorte: eine Auswahl* (2005). Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.
- Erinnerungsorte der DDR*. (2009). München: Beck.
- Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa. Erfahrungen der Vergangenheit und Perspektiven* (2011). München: Oldenbourg Verlag.
- Europäische Erinnerungsorte* (2007). München: Oldenbourg Verlag. 3 Bd.

- Finkielkraut, A. (2007). Qu'est-ce qu'être français aujourd'hui? Entretien avec Pierre Nora et Paul Thibaud, in Alain Finkielkraut. *Qu'est-ce que la France?* Paris: Stock, p. 256.
- Hal'bvaks, M. (2007). *Social'nye ramki pamjati* [The social framework of memory]. Moskva: Novoe izdatel'stvo.
- Hartog, F. (2013). *Croire en l'Histoire*. Paris: Flammarion.
- Ivanov, G. M., Korshunov, A. M., Petrov, Ju. V. (1981). *Metodologicheskie problemy istoricheskogo poznanija* [Methodological Problems of Historical Cognition]. Moskva: Vysshaja shkola.
- Isnenghi, M. (1997). *I luoghi della memoria*. Roma-Bari: Laterza.
- Klein, K. L. (2000). On the emergence of memory in historical discourse. *Representations*, 69, 127–150.
- Krämer, S. (2007). Was also ist eine Spur? Und worin besteht ihre epistemologische Rolle? Eine Bestandsaufnahme. *Eine Bestandsaufnahme*. Frankfurt am Main, 14–19.
- Lieux de memoire et identites nationales*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1993. 284 p.
- Nora, P. (1962). Ernest Lavisse: Son rôle dans la formation du sentiment national. *Revue historique*, 463, 73–106.
- Rose, D. S. (2016). Lieux de Mémoire, Central Places, and the Sanctuary of Ribemont-sur-Ancre: A Preliminary Look / M. J. Mandich, T. J. Derrick, S. Gonzalez Sanchez, G. Savani, E. Zampieri (eds). *Proceedings of the Twenty-Fifth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, Leicester 2015*. Oxford: Oxbow Books, 57–75.
- Tamás, B. (2013). Ghosts as Sites of Memory // *Loci Memoriae Hungaricae I: The Theoretical Foundations of Hungarian 'lieux de mémoire'* / P. Varga, K. Katschtaler, D. E. Morse, M. Takács (szerk.). Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 152–68.
- Transnationale Gedachtnisorte in Zentraleuropa* (2002). Wien; München; Bozen: Studien Verlag.
- Waar de Blanke Top der Duinen. En Anderevaderlandse Herinnerigen*. (1995). Amsterdam: Pandora pockets.
- Yates, F. (1997). *Iskusstvo pamjati* [The Art of Memory]. Saint-Petersburg: Fond podderzhki nauki i obrazovanija "Universitetskaja kniga".

Сведения об авторе

Головашина Оксана Владимировна, доктор фило-софских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

Information about the author

Oksana V. Golovashina, Doct. Sci. (Philosophy), Leading Research Fellow of the Ural Institute of Humanities at Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 15.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 30.11.2022

The article was submitted 15.11.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 30.11.2022

Научная статья

УДК 94:159.953 + 316.346.36:159.953 + 621.64(470.5) + 621.774(470.5) + 330.341.42

doi 10.15826/tetm.2022.3.033

Креативные стратегии трубных предприятий Урала: между реиндустриализацией и мемориализацией

Константин Дмитриевич Бугров

Уральский федеральный университет, Россия

k.d.bugrov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4596-8854>

Аннотация. В работе ставится вопрос о выработке представления об аутентичном применительно к промышленным городам. Для его решения автор анализирует стратегии репрезентации ключевых предприятий трубной промышленности Урала, воплощенные в материальных (градостроение и производственные комплексы) и нематериальных (исторический нарратив) формах. Для созданных в 1930–1940-х гг. Первоуральского новотрубного и Челябинского трубопрокатного заводов основной стратегией стал технологический героизм, связанный с уникальными проектами и реиндустриализацией. В отличие от них Северский трубный завод, переведенный на выпуск труб лишь в 1960-х гг., выстроил репрезентацию вокруг исторической преемственности по отношению к «горнозаводской цивилизации» Урала с помощью сохранения места исторической памяти — цехов XIX в. Сделан вывод о том, что исторически сложившиеся различия в нарративах о предприятиях влияют на практики их позиционирования в городской среде, а следовательно, и на содержание в каждом конкретном случае понятия об аутентичном, необходимого для успешного формирования экономики впечатлений.

Ключевые слова: аутентичность, историческая память, трубная промышленность, индустриальная идентичность, мемориализация, реиндустриализация

Для цитирования: Бугров К. Д. Креативные стратегии трубных предприятий Урала: между реиндустриализацией и мемориализацией // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 13–22. doi 10.15826/tetm.2022.3.033

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00679 «Креативная реиндустриализация городов “второго эшелона” в условиях цифровой трансформации».

Original article

Creative Strategies of Ural Pipe Companies: Between Technological Heroism and Memorialization

Konstantin D. Bugrov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

k.d.bugrov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4596-8854>

Abstract. The paper investigates the development of concept of authenticity in industrial cities. The author analyzes the presentation strategies pursued by the key enterprises of the Ural tube industry, as embodied in material (urban planning and industrial complexes) and verbal (historical narrative) forms. For those plants established in the 1930–1940s, namely, Pervouralsk Novotrubny and Chelyabinsk Pipe Rolling Plants, the main strategy was technological heroism associated with unique projects and recent reindustrialization. In contrast to them, the Seversky Pipe Plant, which switched to the production of tube only in the 1960s, built a representation around historical continuity in relation to the “mining civilization” of the Urals by preserving the place of historical memory — the blast furnaces of the 19th century. The author concludes that the historical differences in the narratives about enterprises affect the practices of their positioning in the urban environment, and, consequently, the very concept of authenticity, which in turn is required for the successful formation of the experience economy.

Keywords: authenticity, historical memory, pipe industry, industrial identity, memorialization, reindustrialization

For citation: Bugrov, K. D. (2022). Kreativnye strategii trubnykh predpriyatii Urala: mezhdru reindustrializatsiei i memorializatsiei [Creative Strategies of Ural Pipe Companies: Between Technological Heroism and Memorialization]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 13–22. doi 10.15826/tetm.2022.3.033

Acknowledgments: the article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project № 22-18-00679 “Creative reindustrialization of second-tier cities in the context of digital transformation”.

Существуют различные определения креативной экономики [Grodach, 5], однако все они в той или иной мере описывают городское пространство, погруженное в конкуренцию за привлечение человеческого капитала в ситуации нестабильности и свертывания крупных промышленных мощностей; история о креативной экономике — это история о *политике места* (place-making policy). Среди других значимых черт этой политики важное место занимает *аутентичность*. Рассуждая о процессах реиндустриализации в городе XXI в., К. Бейкер отмечает: «Индустрия, которая видима публично, создает множество связей между потребителями и производителями товаров. К примеру, производитель мебели, у которого производственный процесс виден с оживленной улицы, или даже автомобильная фабрика, которая сделала процесс производства видимым проезжающим водителям, могут связать прохожих с производственным процессом» [Baker, 120].

Аутентичность выступает ключевой чертой креативной экономики, в частности, экономики впечатлений [Beverland, Farrelly, 838], в которой потребители ищут ценный для себя опыт. Е. Г. Трубина вполне справедливо отмечает: «Инвестиции девелоперов в старое и новое жилье в крупных городах требовали подкрепления культурной инфраструктурой, что и стало во многих случаях подоплекой городской “ревитализации”. Спонсированное государством “городское возрождение” (urban regeneration) способствовало, как показал Нил Смит, спекулятивному развитию сектора недвижимости, прикрываемому дискурсом о том, что чрезмерное государственное регулирование сдерживает городскую креативность» [Трубина, 192]. Этот процесс в полной мере проявляется и в России. Так, Т. В. Абанкина отмечает: «В России сформировался достаточно высокий и устойчивый платежеспособный спрос со стороны семей на креативные товары и услуги, организацию отдыха и культурные

мероприятия, предъявляющих новые требования к обновлению культурной среды, отвечающей современным тенденциям, возможностям участия в культурной жизни, доступности и разнообразию креативных товаров и услуг» [Абанкина, 226]; долю расходов российских домохозяйств на культурные мероприятия и организацию отдыха она оценивает в 8,5 %.

Аутентичность как фундаментальная черта креативной экономики, без сомнения, связана с исторической мемориализацией и локальной идентичностью, позволяющими наделить аутентичностью тот или иной социально-хозяйственный феномен; в этом смысле аутентичность можно считать нарративно конструируемой. В западной исследовательской традиции идущая в XXI в. реиндустриализация обычно рассматривается с акцентом на развитие локальных «ремесел» (crafts) в противовес универсализированному поточно-индустриальному производству¹. Подобный взгляд очень часто опирается на этнизирующий и натурализирующий нарратив, в котором «культурой» предстает нечто имманентно присущее тому или иному локусу. Так, известный интеллектуальный проект писателя А. В. Иванова, посвященный «горнозаводской цивилизации», был нацелен на поиск уральского мифа, своего рода матрицы, которая бы позволяла связать между собой определенные «жизненные ценности» уральцев, природный ландшафт и архитектурные памятники (кирпичные корпуса заводов XVIII–XIX вв.), безошибочно опознаваемые сегодня как монументы старины. Г. А. Янковская, анализируя известное противостояние между разными группами культурных деятелей в Перми в 2008–2012 гг., справедливо подчеркивает: «Многое из того, что сегодня сторонниками “пермской аутентичности” воспринимается как извечное, издревле этой территории присущее, есть результат активной деятельности небольшой группы интеллектуалов, деятелей культуры, науки и СМИ» [Янковская, 161]. Аутентичность, следовательно, является не объективным свойством конкретного локуса или товара, а конструируемым нарративом (storytelling), апеллирующим к эмоциям [Афанасьев, Афанасьева, 16; Williams, Atwal, Bryson].

¹ А. В. Келлер вполне справедливо подчеркивает, что на деле «ремесло» и «поточное производство» не противостоят друг другу, а, напротив, являются взаимодополняющими [Келлер, 27].

При этом валидность четкого различия между аутентичным, глубоко локализованным «ремеслом» и обезличенно-корпоративным, космополитичным «производством» является особенно спорной в индустриальных центрах постсоветского пространства. Специфика советского социализма заключалась, кроме прочего, в том, что социальная организация жизни через трудовые коллективы придавала индустриальным предприятиям статус не просто организаторов локальных сообществ, но и крупнейших культурных акторов. Казалось бы, экономический кризис 1990-х гг. показал, что « типовые советские индустриализированные города плохо подходили на роль “уникального места”» [Игнатьева, Лысенко]. История о действующих производствах при конструировании аутентичности тех или иных городов зачастую оказывается отброшенной как советский «белый шум» и, следовательно, невостребованной при разработке концепций развития «экономики впечатлений», предполагающих актуализацию локальной памяти, историко-культурных ценностей мемориального толка. Так, предложенная О. А. Шипицыной и Н. С. Солониной концепция «архитектурно-презентационной актуализации» Ревдинско-Первоуральского индустриального центра предполагает «создание на историческом промышленном транспортном пути — реке Чусовой — трех основных центров притяжения туристических, творческих, экономических и других ресурсов на базе объектов индустриального наследия максимальной степени сохранности — Староуткинского и Билимбаевского заводов, а также Дегтярского медного рудника» [Шипицына, Солонина, 408].

Данная концепция трактует как «наследие» лишь остатки индустриальных предприятий XVIII–XIX вв. При этом старые Билимбаевский и Староуткинский заводы, уже давно не действующие, сегодня могут начать новую жизнь лишь в качестве музеефицированных площадок, теоретически — кластеров, насыщенных локальными «ремеслами»; сами они производящей силой более не являются. В этом смысле старые заводы «горнозаводской цивилизации» могут найти путь в креативную «экономику впечатлений» только будучи мертвыми заводами, доступными для осмотра туристами и развертывания на их

базе новых креативных индустрий, которым есть что предложить посетителям. Интересно отметить, что путеводители по Уралу рубежа XIX–XX вв. обращались именно к живому, действующему производству, акцентируя внимание путешественника — потенциального потребителя эмоций — на «жизни горных заводов» [Власова, 183].

Между тем ключевое, в терминах финансовой устойчивости и объема производства, предприятие Ревдинско-Первоуральского округа — Первоуральский новотрубный завод, не интегрирован в обрисованную выше мемориальную историю: фактически завод был создан на новой площадке в 1930-е гг. Важную роль в его развитии сыграл приток кадров из старейшего района трубного производства Российской империи — Поднепровья, отношения к Строгановым и «горнозаводской цивилизации» он не имел. Можно ли вообще считать действующий крупный завод частью локальной аутентичности? Может ли такое предприятие быть встроено в систему индустрии впечатлений? Поиск ответа на этот вопрос заставляет нас обратиться к анализу исторического формирования стратегий презентации предприятий трубной индустрии Урала.

Трубная промышленность была одной из ведущих отраслей металлургии СССР. Большая часть трубного производства с конца XX в. сконцентрирована на заводах «большой семерки», четыре из которых находятся на Урале — в Первоуральске, Челябинске, Каменске-Уральском и Полевском. Трубная индустрия справилась с падением объемов производства в 1990-х гг.: ни один из заводов «большой семерки» не был даже близок к остановке, а в 1998–2008 гг. трубная промышленность и вовсе развивалась стремительными темпами, поглощая ежегодно 9,8 % от общего российского производства стали [Балашов, Доможирова, 45]. Рост мощностей трубной промышленности в России пережил мощный рост в начале 2010-х гг., достигнув 23,5 млн т в год и сформировав крупный профицит. Доля России в мировом экспорте составляла в 2010-х гг. примерно 5–7 %, что позволило отечественной трубной промышленности занять место в группе ведущих экспортеров (Китай, Италия, Германия, Турция, Республика Корея, Япония). Таким образом, трубные

предприятия оставались влиятельными локальными игроками, центрами концентрации трудовых и финансовых ресурсов в своих городах размещения. Являются ли культурные модели и нарративы, связанные с этими предприятиями, единообразными и стандартными или же они открывают возможности для выявления определенных форм локальной аутентичности? Выяснение этого вопроса требует последовательного анализа тех нематериальных (нарратив) и материальных (репрезентация в городском ландшафте) стратегий, которые связаны с каждым из упомянутых выше заводов.

Среди уральских трубных заводов старейшим является Первоуральский новотрубный завод (ПНТЗ). Хотя еще в 1921 г. на выпуск труб был переведен старый Васильево-Шайтанский (Старотрубный) завод, первенцем крупной трубной индустрии стал Новотрубный завод, пущенный на новой площадке в 1934 г. Этот завод специализируется на выпуске ответственных, сложных труб для атомной, химической, авиационной и автомобильной индустрии. Коллектив Новотрубного завода в XX в. более 10 раз становился лауреатом Государственной премии СССР (рекордный показатель для относительно небольшого города). Завод оказывал определяющее влияние на трансформации городского пространства: внешний облик Первоуральска, образцового позднесоветского города, удачно спланированного (зеленые бульвары, спускающиеся к набережной, эффектное использование высот, наличие кластера спортивных учреждений), является результатом влияния Новотрубного завода, к услугам которого были мощности одного из крупнейших строительных трестов Урала — Уралтяжтрубострой².

Вокруг ПНТЗ также сложилась богатая мифология. Короткая заметка о пуске предприятия с гордостью информировала читателей о том, что «Большой штифель» является крупнейшим в СССР трубопрокатным станом, размещается в гигантском цехе, а все процессы на стане механизированы [Закончилось

² В позднесоветский период рядом с Новотрубным начали создаваться новые производства трубного профиля — завод трубчатых строительных конструкций и завод комплектных металлических конструкций (ныне объединенные в рамках единого Уральского трубного завода). Если считать площадку Старотрубного завода (цех № 15 Новотрубного завода) отдельно, то в Первоуральске насчитываются четыре крупные индустриальные площадки, специализирующиеся на выпуске труб. Все это дает основания считать город «трубной столицей» России.

строительство Первоуральского новотрубного завода]. В 1962 г. был возведен цех № 8, в котором начал работу уникальный стан «30-102»; выйдя на проектную мощность в 1967 г., он стал крупнейшим в мире. Фотография цеха была напечатана в «Правде» 23 февраля 1962 г. с подписью «Цех будущего». Поэт Б. А. Марьев в 1962 г. с восторгом писал о нем в одном из своих «поэтических репортажей»:

Ну и цех! Красотища! ...Как огненный ветер,
С реактивным хвостом за трубой пролетает труба...
Он — как строчка Программы — весóm, необъятен
и светел,
Километр коммунизма! Невиданный город труда!
И пускай нелегко созидали, кроили, чертили,
Чертыхались бригады, метался охрипший прораб,
Он живет, этот стан! Он ревет, точно Ту-104,
Он влывает в грядущее, словно линейный
корабль!

С 1960-х гг. Новотрубный завод фигурировал в числе важнейших научно-технических центров Урала: в 1962 г. вышла подготовленная Ю. А. Трифоновым книга «Мы — новотрубники», а в 1977 г. — популярная биография директора завода «Календарь Федора Данилова» авторства Б. А. Путилова.

Показательна структура книги «Мы — новотрубники». Готовивший издание Ю. А. Трифонов сжал дореволюционную историю Васильево-Шайтанского завода до пары страниц, чтобы дать слово коллективному автору книги — рабочим и инженерам ПНТЗ. Один из инженеров, А. Г. Лужин, на страницах книги восхищался: «Стан непрерывной прокатки труб!.. Нет слов, чтобы передать всю красоту сооружения. Высокие, залитые светом пролеты, новейшие механизмы, счетно-передающие устройства, телевидение. Все самое лучшее, что человек поставил себе на службу, воплощено здесь» [Мы — новотрубники, 178]³.

Сходным образом позиционировал себя и другой трубный гигант — Челябинский

трубопрокатный завод (ЧТПЗ), основанный в 1942 г. Он оказывал не столь большое влияние на ландшафт Челябинска, как ПНТЗ на застройку Первоуральска. Наиболее эффективной частью градостроительной стратегии завода следует считать освоение прибрежной зоны озера Смолино вдоль улицы Новороссийской. Водная станция ЧТПЗ разместилась здесь в конце 1940-х гг., позднее появились заводские Дворец культуры (1957) и спортивный комплекс (1960-е гг.), а также несколько пляжей.

Зато в нарративном отношении ЧТПЗ занял ведущие роли в советском информационном пространстве, считаясь «Трубной Магниткой». С восхищением отзывались об организации социальной сферы на ЧТПЗ, сравнивая его с ПНТЗ: «Еще в Первоуральске мы видели заводской Дворец спорта, базы отдыха, знали, что почти 25 тысяч квадратных метров жилья построено на средства предприятия. Челябинский размах оказался еще шире. Санаторий в Хосте, на берегу Черного моря, несколько домов отдыха, плавательный бассейн. Огурцы и помидоры круглый год продаются в заводских буфетах: теплица площадью пятнадцать тысяч квадратных метров, что на территории завода, дает десять тонн огурцов и помидоров через день» [Бирюков, Турбанов]. В 1980-х ЧТПЗ оказался в центре внимания советской журналистики как образцовое предприятие: «По праву называют его предприятием высокой культуры, коллектив живет активно, с творческим подъемом, в нем крепкая дисциплина, здоровый нравственный климат. Люди чувствуют о себе заботу на рабочих местах, в бытовом, культурном плане» [Уважение в коллективе]. Т. Худякова восхищалась: «Меня поразили и огромные цехи, и сложнейшая автоматика, и несущиеся по желобам огненно-красные змейки труб. И еще — чистота. Сколько заводских помещений прошла, а нигде не увидела захламленных углов...» [Худякова].

И челябинский, и первоуральский заводы были флагманами трубной индустрии страны. Так, видный днепропетровский металлург Я. Е. Осада, рассуждая в 1959 г. о связях науки с трубной промышленностью, называл лишь четыре крупнейших завода, которые и обеспечивали технический прогресс в этой сфере: два из них представляли Поднепровье (Никопольский южнотрубный, Днепропетровский)

³ Интересно заметить: опытная екатеринбургская команда журналистов, готовившая в 2019 г. корпоративное издание о ПНТЗ, привыкла работать в иной традиции, поэтому вместо фокуса на заводе проявила внимание к общеуральскому нарративу, трактуя завод как часть «горнозаводской цивилизации»; почти 40 % текста книги посвящено событиям до 1917 г. [Первый уральский]. Сам заводской нарратив, представленный, например, в трудах Ю. А. Дунаева, исходил из иной перспективы, игнорируя широкий контекст и фокусируя внимание на технологическом героизме конкретных предприятий.

и два — Урал (Челябинский трубопрокатный и Первоуральский новотрубный) [Осада].

В 2003 г. на базе ЧТПЗ был сформирован холдинг «Группа ЧТПЗ», развернувший программу переоснащения и расширения производства. В 2010 г. на ЧТПЗ был открыт цех производства труб большого диаметра «Высота 239», ставший своего рода революцией в позиционировании индустриальных производств на Урале: новый цех был эффектно оформлен, став декларацией той корпоративной философии холдинга, которая вскоре получила имя «белая металлургия». В 2015 г. руководство холдинга повторило этот ход при пуске завода «Этерно» (в составе промышленной площадки ЧТПЗ) по выпуску сложных деталей трубопроводов [Игуменов]. Словно следуя за «трубными королями» советской эры, руководство «Группы ЧТПЗ» демонстрировало свою заботу и об окружающем городском пространстве. В городке ЧТПЗ в 2020–2022 гг. была наконец выстроена благоустроенная набережная, завершившая процесс освоения «водного рубежа» заводом. Владелец «Группы ЧТПЗ» А. И. Комаров рассуждал в печати о своей мечте «построить завод, какого нет в мире» [Петлевой]. Директор Б. Г. Коваленков называл «белую металлургию» «человекоцентричной бизнес-моделью», ставшей для компании «конкурентным преимуществом» [Кулагина].

Когда в 2005 г. в состав «Группы ЧТПЗ» вошел Первоуральский новотрубный завод, аналогичная система репрезентации была использована и здесь. В местном техникуме началась реализация учебной программы «Белая металлургия» (с 2022 г. — «Киберметаллургия»); внешний облик завода был изменен (проницаемые для взгляда заборы, зеленые газоны, яркие цвета), вновь вводимые цеха получили запоминающиеся названия («Железный озон», «Финишный центр») и эффектный дизайн. В 2016 г. старая площадка (бывший Старотрубный завод) была снесена, на ее месте возведен Центр инновационной культуры, выдержанный в духе современной архитектуры. Еще более амбициозные планы компания выдвинула по отношению к Первоуральску, в 2019 г. решив преобразить целый город и пригласив для этой цели видного московского специалиста С. А. Капкова, с 2015 г. возглавляющего Центр исследований экономики культуры,

городского развития и креативных индустрий в Московском государственном университете. Можно сказать, что «белая металлургия» оказалась нарративной проекцией стратегии реиндустриализации, осуществлявшейся в 2010-х гг. на производственных площадках упомянутых предприятий.

Как видим, концепция «белой металлургии», реализовывавшаяся на двух промышленных площадках, в значительной мере воспроизводила сложившийся еще в советское время нарратив о Первоуральском и Челябинском заводах как о флагманах производства и одновременно как об образцовых культурных пространствах, «невиданных городах труда». Однако подобные нарративы не могут считаться типичными для советской производственной сферы.

Так, в нарративах о советском Каменске-Уральском Синарский трубный, как правило, делил роль «хозяина города» с Уральским алюминиевым заводом. Однако в символической сфере алюминиевое предприятие доминировало: творческие коллективы Уральского алюминиевого завода производили тексты, недвусмысленно характеризовавшие Каменск-Уральский как «Город алюминщиков» или «Алюминиевый город» [Каменск-Уральский — город на Исети, 113]. Ведущими литераторами Каменска-Уральского 1960–1980-х гг. были именно алюминщики, достаточно назвать Н. Я. Мережникова (автора гимна «Алюминиевый город») и Н. Ф. Голдена. Это отразилось и на интенсивности публикаций в центральной прессе: на протяжении 1930–1980-х Синарский завод упоминался на страницах «Правды» и «Известий» около 70 раз, при этом число специальных репортажей ограничивалось единицами. Крупные тексты о Синарском трубном заводе появились только в XXI в., когда завод уже являлся частью Трубной металлургической компании. В градостроительном пространстве завод был представлен слабо, его инфраструктурные усилия были ограничены собственным поселком, выстроенным в 1930-х гг., расположенным в удалении от исторической части Каменска-Уральского.

Сформировавшаяся в 2002 г. на базе Синарского трубного завода Трубная металлургическая компания не опиралась в своем брендинге на конкретные локации. Головной кампус

сформированного в 2017 г. корпоративного университета ТМК разместился в Сколково; на каждом из предприятий, входящих в компанию, был развернут профильный учебный полигон. Конечно, в значительной мере на позиционирование компании оказал влияние географический охват.

Важным исключением в системе позиционирования компании стал Северский трубный завод. Это предприятие, действующее в Полевском, было основано в 1739 г. В 1950-х гг. выработавший свой ресурс старый завод начал проходить всестороннюю модернизацию, в начале переключившись на выпуск белой жести, а с 1965 г., благодаря усилиям руководителя Управления металлургии Свердловского совета народного хозяйства, экс-директора завода В. Г. Вершинина, оценившего потенциал нефтегазового освоения Западной Сибири, на производство труб для нефтепроводов. Но путь в ту четверку трубных гигантов, о которой в 1959 г. рассуждал Я. Осада, был сложным. Северский завод не имел своего строительного треста и не вел крупномасштабного социального строительства. Пик развития завода пришелся на 1990–2000-е; пуск в 2008 г. собственного электросталеплавильного производства и открытие в 2014 г. новых прокатных мощностей вывели предприятие в число лидеров.

Борьбу за символический капитал предприятие развернуло поздно — во второй половине 1980-х гг., когда вышли книги Ю. А. Горбунова и Ю. Д. Петренко «Гарантия» (1986) и И. Давыдова «Северские трубки» (1989). Авторами обеих книг выступили видные уральские литераторы. Долгий и сложный путь к высотам уральской индустрии привел к тому, что Северский трубный завод акцентировал историческую преемственность со старым заводом. В ходе коренной перестройки завода в 1960-х гг. был сохранен старый комплекс доменной печи, относящийся к концу XIX в., завод своими усилиями предпринял реконструкцию домны. Выполненные из чугуна основные заводские ворота (очевидно, 1980-х гг. создания) демонстрируют, что интерес к собственной истории был сознательной стратегией руководства предприятия: одну створку ворот украшают сюжеты из старой истории завода, другую половину — сюжеты из новой, связанной с трубным прокатом. По-видимому, подобный ход был

призван стимулировать историческую память коллектива предприятия.

В 2002 г. завод вошел в состав Трубной металлургической компании. По инициативе директора завода М. В. Зуева в пустовавшей домне был размещен заводской музей, а с 2009 г. усилиями директора музея А. Е. Тrepаловой формируется музейный комплекс «Северская домна», после ряда реконструкций освоивший весь сохранившийся блок цехов XIX в. — доменный, литейный и кричный, также создана экспозиция техники под открытым небом. Открытие летом 2022 г. выставочного комплекса и конференц-зала в «Северской домне» стало своего рода итогом этого проекта креативной реиндустриализации — создания принципиально нового культурно-познавательного пространства «экономики впечатлений» на базе действующего, успешно развивающегося производства.

Примечательно, что к созданию экспозиции в «Северской домне» был привлечен писатель А. В. Иванов, автор известной концепции «горнозаводской цивилизации». Сам Северский завод по своему пространственному расположению резко отличается от трех других трубных заводов: зажатый между рекой и заводским прудом, он не включает эффектные объекты, такие как «Железный озон» или «Высота 239», промышленная площадка завода окружена глухими заборами. Руководство завода преуспело в реиндустриализации и увеличении объемов производства, а оснащение и технологический уровень Северского трубного завода является весьма высоким; тем не менее ключевой для завода новый электросталеплавильный комплекс, возвышающийся непосредственно за старой домной, не обладает сколько-нибудь эффектным внешним оформлением. Л. Е. Добрейцина справедливо отмечает, что уникальность Северской домны заключается в неразрывной связи музеефицированной и действующей индустриальных площадок, позволяющей посетителю не просто увидеть памятник производственной техники, но и словно бы побывать на действующем заводе, получить аутентичный опыт индустриального места, для которого металлургическое производство остается определяющим [Добрейцина, 29]. Для усиления этого эффекта в Северской домне создана особая инсталляция

с впечатляющим светом и звуком, имитирующая выпуск жидкого металла из доменной печи.

Само появление Северской домны как музеефицированного объекта было связано с осмыслением предприятия в категориях исторически сложившейся «заводской страны», той самой «горнозаводской цивилизации». Нарратив, лежавший в основе подобной стратегии, кардинально отличался от технологического героизма трубных гигантов Челябинска и Первоуральска: он предполагал акцент на преемственности, традиции, аутентичности. И если технологический героизм требует наличия технологии с ее внешними атрибутами эффективности, то мемориальный историзм требует наличия мемориалов, позволяющих материально продемонстрировать аутентичность традиции, хронологическую глубину мифа.

Важно подчеркнуть: стратегия подобного сохранения вовсе не была типичной для промышленных предприятий. Первоуральский новотрубный завод мог бы продлить свою историческую генеалогию до Шайтанского завода, так как Старотрубный завод, введенный в состав гиганта, функционировал на его площадке. Однако подобная преемственность не была целью стратегии ПНТЗ, в 2015–2016 г. руководство завода с легкостью снесло цеха на старой площадке ради строительства Инновационного культурного центра. Таким образом, пространство старой заводской площадки на плотине подверглось креативной трансформации. В отличие от музеефицированных промышленных площадок в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Полевском [Там же], подобная трансформация не предполагала хотя бы частичного сохранения старинных цехов. Зато и без того эффектная панорама Первоуральска на берегу заводского пруда была теперь дополнена гигантской «шайбой» Центра, ночью эффектно подсвечиваемой, — поистине примечательная тяга к обустройству водного пространства (waterfront), в современной городской политике становящегося местом, которое оспаривают разные социально-экономические группы [Trubina].

Итак, кейсы ведущих центров трубной индустрии Урала демонстрируют различия в путях развития креативной реиндустриализации.

В каждом из указанных случаев экономический рост заводов конвертировался в создание материальных и нематериальных предметов, в той или иной мере поддающихся креативному использованию, наделяемых ценностью в рамках «экономики впечатлений». Одну из этих стратегий мы назвали технологическим героизмом, другую — мемориальным историзмом.

В известной степени стратегия технологического героизма была парадоксальной: она одновременно отрицала прошлое во имя будущего, делала акцент на новейших технологиях и в то же время сама оказывалась частью локальной традиции, аутентичной манеры вести речь о том или ином предприятии. В данном случае маркером аутентичности выступал не исторический старый цех, а сам дискурс о предприятии-флагмане, остающийся на удивление устойчивым в течение десятилетий. Стратегия мемориализации, напротив, предполагала демонстрацию аутентичности в виде зримых элементов прошлого — например, старинных цехов, переоборудованных под музейно-презентационные пространства. Подобная аутентичность усиливалась с помощью художественных средств. Как мы уже отмечали, в создании экспозиции принимал участие А. В. Иванов, чья «горнозаводская цивилизация» представляет собой проект, ориентированный на создание исторического мифа об Урале, способного, кроме прочего, оказаться успешным в рыночных категориях.

Следование той или иной стратегии во многом связано не только с субъективным выбором руководителей того или иного объекта, но и с дискурсом, манерой вести речь о том или ином объекте, целенаправленно формировавшейся на протяжении десятилетий. Разумеется, сама по себе стратегия позиционирования, избираемая флагманами индустрии, не является нарративом аутентичности, способным подтолкнуть развитие креативной экономики и, в частности, индустрии впечатлений. Однако сформированный этими предприятиями нарративный запас, включающий в себя не только смыслы, но и осмысленную определенным образом материальную инфраструктуру, является важным элементом для локального нарратива аутентичности.

Список источников

- Абанкина Т. В. Креативная экономика в России: новые тренды // Журнал новой экономической ассоциации. 2022. № 2. С. 221–228.
- Афанасьев О. Е., Афанасьева А. В. Сторителлинг дестинаций как современная технология туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11, № 3. С. 7–24.
- Балашов А. А., Доможирова Н. Н. Исследование проблем трубной промышленности // Вестн. УГТУ-УПИ. 2010. № 4. С. 44–53.
- Бирюков В., Турбанов А. Урал: второе рождение // Известия. 1975. № 232. 2 окт.
- Власова Е. Г. Нарративизация пространства в первых путеводителях по Уралу // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 2 : Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 175–188.
- Добрейцина Л. Е. Музеи-заводы на Среднем Урале: осмысление прошлого и индикатор настоящего в культуре индустриального Урала // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 27–37.
- Закончилось строительство Первоуральского новотрубного завода // Правда. 1936. № 18. 18 янв.
- Игнатьева О. В., Лысенко О. В. Анализ одного проекта: «Пермская культурная революция» глазами социолога // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 69–80.
- Игуменов В. Металлург в белом // Forbes.ru. 1 декабря 2012 г. URL: <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2012-10/132634-metallurg-v-belom?ysclid=lb40kqut99765414816> (дата обращения: 01.10.2022).
- Каменск-Уральский — город на Исети. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1967.
- Келлер А. В. Вытесняется и отмирает? История русского городского ремесла в контексте теории модернизации: к постановке проблемы // Quaestio Rossica. 2017. № 1. С. 15–31.
- Кулагина С. Черное — это белое // ОМК команда. URL: <https://journal.omk.ru/journal/11-2020/chnoe-eto-beloe/?ysclid=lb404lnqu8355523986> (дата обращения: 01.10.2022).
- Мы — новотрубники. Свердловск : Кн. изд-во, 1962.
- Осада Я. Место отраслевого института — в совнархозе // Известия. 1959. № 203. 27 авг.
- Первый уральский. Екатеринбург : Коммерсант-Урал, 2019.
- Петлевой В. «Хотелось построить завод, какого нет в мире», — Андрей Комаров, основной владелец компании ЧТПЗ // Ведомости. 2013. 16 мая.
- Трубина Е. Г. «Трамвай, полный Wi-Fi»: о рецепции идей Ричарда Флориды в России // Неприкосновенный запас. 2013. № 6. С. 191–207.
- Уважение в коллективе // Правда. 1985. № 6. 6 янв.
- Худякова Т. «Русский чай», «Изумруд» и другие // Известия. 1986. № 249. 6 сент.
- Шипицына О. А., Солонина Н. С. Исторически сложившиеся индустриальные культурные центры Урала в контексте современной реиндустриализации // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв. : материалы XIII Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г. : в 2 т. Екатеринбург : УрО РАН, 2018. Т. 2. С. 399–413.
- Янковская Г. А. Локальный фундаментализм в культурных войнах за идентичность // Вестн. Перм. ун-та. Серия : Политология. 2013. № 2. С. 157–165.
- Baker K. Conspicuous Production: Valuing the Visibility of Industry in Urban Re-Industrialization // Urban Re-Industrialization. Brooklin : punctum books, 2017. P. 117–127.
- Beverland M., Farrelly F. The Quest for Authenticity in Consumption: Consumers' Purposive Choice of Authentic Cues to Shape Experienced Outcomes // Journal of Consumer Research. 2010. № 36(5). P. 838–856.
- Grodach C. Cultural Economy Planning in Creative Cities: Discourse and Practice // International Journal of Urban and Regional Research. 2013. № 37(5). doi:10.1111/j.1468-2427.2012.01165.x
- Trubina E. G. Fluid Entanglements: Narratives of Waterfronts in the City // Changing Societies & Personalities. 2022. № 2. P. 245–253.
- Williams A., Atwal G., Bryson D. Developing a storytelling experience: the case of craft spirits distilleries in Chicago // International Journal of Wine Business Research. 2019. № 32(4). P. 555–571.

References

- Abankina, T. V. (2022). Kreativnaya ekonomika v Rossii: novye trendy [Creative economy in Russia: new trends]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, 2, 221–228.
- Afanas'ev, O. E., Afanas'eva, A. V. (2017). Storitelling destinatsii kak sovremennaya tekhnologiya turizma [Storytelling of destination as modern technology of tourism]. *Sovremennye problemy servisa i turizma*, 11, 3, 7–24.
- Baker, K. (2017). Conspicuous Production: Valuing the Visibility of Industry in Urban Re-Industrialization. *Urban Re-Industrialization*, p. 117–127. Brooklin, punctum books.
- Balashov, A. A., Domozhirova, N. N. (2010). Issledovanie problem trubnoi promyshlennosti [A study in problems of tube industry]. *Vestnik UGTU-UPI*, 4, 44–53.
- Beverland, M., Farrelly, F. (2010). The Quest for Authenticity in Consumption: Consumers' Purposive Choice of Authentic Cues to Shape Experienced Outcomes. *Journal of Consumer Research*, 36(5), 838–856.
- Biryukov, V., Turbanov, A. (1975). Ural: vtoroe rozhdenie [Urals: a second birth]. *Izvestiya*, 232, October 2.
- Dobreitsina, L. E. (2014). Muzei-zavody na Srednem Urale: osmyslenie proshlogo i indikator nastoyashchego v kul'ture industrial'nogo Urala [Factory-museums in Middle Urals: comprehending the past and evaluating the present day of culture of industrial Urals]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, 1, 27–37.

Grodach, C. (2013). Cultural Economy Planning in Creative Cities: Discourse and Practice. *International Journal of Urban and Regional Research*, 37(5).

Ignat'eva, O. V., Lysenko, O. V. (2013). Analiz odnogo proekta: «Permskaya kul'turnaya revolyutsiya» glazami sotsiologa [An analysis of a project: 'Perm cultural revolution' through the eyes of social researcher]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, 5, 69–80.

Igumenov, V. (2012). Metallurg v belom [Metallurgist in white]. *Forbes.ru*. December, 1st. URL: <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2012-10/132634-metallurg-v-belom?ysclid=lb40kqut99765414816> (accessed: 01.10.2022).

Kamensk-Ural'skii — gorod na Iseti [Kamensk-Uralskii, a town on Iset] (1967). Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Keller, A. V. (2017). Vytesnyaetsya i otmiraet? Istoriya russkogo gorodskogo remesla v kontekste teorii modernizatsii: k postanovke problemy [Replaced and dying? The history of russian urban crafts in the context of modernisation theory: articulation of the issue]. *Quaestio Rossica*, 1, 15–31.

Khudyakova, T. (1986) «Russkii chai», «Izumrud» i drugie [‘Russian tea’, ‘Emerald’ and the others]. *Izvestiya*, September 6.

Kulagina, S. (2020). Chernoe — eto beloe [Black is white]. *OMK komanda*. URL: <https://journal.omk.ru/journal/11-2020/chernoe-eto-beloe/?ysclid=lb404lnqu8355523986> (accessed: 01.10.2022).

My — novotrubniki [We are from the New Pipe Plant] (1962). Sverdlovsk: Knizhnoe izdatel'stvo.

Osada, Ya. (1959). Mesto otraslevogo instituta — v sovmarkhoze [A place for branch institute is sovmarkhoz]. *Izvestiya*, August 27.

Pervyi ural'skii [First in Urals]. (2019). Ekaterinburg: Kommersant-Ural.

Petlevoi, V. (2013). «Khotelos' postroit' zavod, kakogo net v mire», — Andrei Komarov, osnovnoi vladelets kompanii ChTPZ [“I wanted to construct a plant that has no match across the world”, — Andrei Komarov, main beneficiary of ChTPZ company]. *Vedomosti*, May 16.

Shipitsyna, O. A., Solonina, N. S. (2018). Istoricheski slozhivshiesya industrial'nye kul'turnye tsentry Urala v kontekste sovremennoi reindustrializatsii [Historically emerged industrial and cultural centers of Urals in context of modern reindustrialization]. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Rossii v XVIII–XXI vv.* Proceedings of 13th all-Russian scientific conference, Ekaterinburg, 18–19 October 2018. Ekaterinburg: UrO RAN, 2, 399–413.

Trubina, E. G. (2022). Fluid Entanglements: Narratives of Waterfronts in the City. *Changing Societies & Personalities*, 2, 245–253. doi 10.15826/csp.2022.6.2.173

Trubina E. G. (2013) «Tramvai, polnyi Wi-Fi»: o retseptsii idei Richarda Floridy v Rossii [Tram full of Wi-Fi: on the reception of ideas of Richard Florida in Russia]. *Neprikosnovennyi zapas*, 6, 191–207.

Uvazhenie v kollektive [Respect in collective] (1985). *Pravda*, January 6th.

Vlasova, E. G. (2021). Narrativizatsiya prostranstva v pervykh putevoditelyakh po Uralu [Narrativization of space in the first guides of Urals]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*, 2, 175–188.

Williams, A., Atwal, G., Bryson, D. (2019). Developing a storytelling experience: the case of craft spirits distilleries in Chicago. *International Journal of Wine Business Research*, 32(4), 555–571.

Yankovskaya, G. A. (2013). Lokal'nyi fundamentalizm v kul'turnykh voinakh za identichnost' [Local fundamentalism in cultural wars for identity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, 2, 157–165.

Zakonchilos' stroitel'stvo Pervoural'skogo novotrubnogo zavoda [The construction of Pervouralsk tube plant is over] (1936). *Pravda*, 18, Jan. 18.

Сведения об авторе

Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

Information about the author

Konstantin D. Bugrov, Doct. Sci. (History), Professor Department of History of Russia Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 15.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2021;
принята к публикации 30.11.2021

The article was submitted 15.11.2021;
approved after reviewing 30.11.2021;
accepted for publication 30.11.2021

Научная статья

УДК 314.925 + 911.372.52 + 316.7 + 316.346.36:159.953 + 325.1

doi 10.15826/tetm.2022.3.034

Взаимодействие памяти мигрантов и принимающего общества как фактор развития региональной идентичности: случай Кемеровской области

Симона Андреевна Андрисенко

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия*

simonaandrisenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4480-5372>

Аннотация. Предметом исследования в данной работе является взаимодействие культурной памяти мигрантов и принимающего сообщества. Объектом исследования выступает случай подобного взаимодействия в Кемеровской области. Региональные власти Кузбасса поддерживают работу национальных общественных объединений, благодаря которым мигранты могут поддерживать практики страны исхода, а также создают культурные центры для вовлечения членов принимающего сообщества в культурные практики мигрантов. Культурная политика области предполагает вовлечение национальных организаций в городские и региональные культурно-просветительские мероприятия. Подобная стратегия работы с мигрантами позволяет снижать конфликтогенный потенциал многонационального субъекта. Базой для формирования региональной идентичности становится индустриальная специфика региона, которая объединяет всех его жителей вне зависимости от национальной принадлежности.

Ключевые слова: идентичность, региональная идентичность, культурная память, политика памяти, миграция

Для цитирования: Андрисенко С. А. Взаимодействие памяти мигрантов и принимающего общества как фактор развития региональной идентичности: случай Кемеровской области // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 23–29. doi 10.15826/tetm.2022.3.034

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-00503 «Трансформация коллективной памяти миграционных сообществ в современной России: межпоколенческая динамика, семейные ценности и коммеморативные практики», и Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве РФ.

The Interaction of the Memory of Migrants and the Hosting Community as a Factor in the Development of Regional Identity: the Case of the Kemerovo Region

Simona A. Andrisenko

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

simonaandrisenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4480-5372>

Abstract. The subject of the study is the interaction of the cultural memory of migrants and the hosting community. The object of the study is a case of such interaction in the Kemerovo region. The Kuzbass regional authorities support the work of national public associations, through which migrants can support the practices of the country of origin, and also create cultural centers to involve members of the host community in the cultural practices of migrants. Also, the cultural policy of the region involves the involvement of national organizations in urban and regional cultural and educational events. Such a strategy of working with migrants makes it possible to reduce the conflict potential of a multinational entity. The basis for the formation of regional identity is the industrial specifics of the region, which unites all residents of the region, regardless of nationality.

Keywords: identity, regional identity, cultural memory, politics of memory, migration

For citation: Andrisenko, S. A. (2022). Vzaimodeistvie pamyati migrantov i primimayushchego obshchestva kak faktor razvitiya regional'noi identichnosti: sluchai Kemerovskoi oblasti [The Interaction of the Memory of Migrants and the Hosting Community as a Factor in the Development of Regional Identity: the Case of the Kemerovo Region]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 23–29. doi 10.15826/tetm.2022.3.034

Acknowledgments: the article was prepared with the financial support of the RSF grant, project No. 22-28-00503 “Transformation of the collective memory of migration communities in modern Russia: intergenerational dynamics, family values and commemorative practices”, Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk).

Современный мир — это мир глобализации и мультикультурализма. Различные общественные группы все чаще взаимодействуют друг с другом, что вызывает как культурные обновления, так и политические и идеологические конфликты. В данных условиях особенно важными становятся идентичности и их поиск. Понятие «идентичность» максимально широкое, оно включает в себя множество характеристик, которые отражают специфику индивида или конкретной группы [Катбамбетова]. Одной из форм коллективной идентичности является региональная идентичность. Исследователи понимают ее как совокупность социокультурных отношений, которые связаны с понятием «малая родина», или как осознание человеком своей принадлежности к региональному сообществу, представление о его целостности [Крылов; Докучаев]. Региональная идентичность

является многосоставным феноменом, что делает ее объектом междисциплинарного анализа.

Формирование региональной идентичности возможно благодаря работе с местной историей, искусством, традициями, мифологией, социальным пространством, а также благодаря географическим и промышленным особенностям определенной территории [Головнева]. С опорой на данную базу возможно сформировать представления об исключительности региона среди его жителей, а также создать запоминающийся образ региона для тех, кто проживает за его пределами [Еремина]. Важную роль в формировании идентичности играет культурная память — одна из форм коллективной памяти, согласно концепции немецкой исследовательницы Алейды Ассман. Культурная память присуща определенной

группе людей, они разделяют ее на основе их принадлежности к конкретной культуре. Формируют такую память так называемые «символические медиаторы». В их роли могут выступать «передаваемые и воспроизводимые культурные объективации в виде символов, артефактов, практик и их институций, которые сохраняются и воспроизводятся из поколения в поколение» [Сафронова].

В данной работе мы ставим целью проанализировать связь между культурной памятью мигрантов и принимающего сообщества и оценить, как подобное взаимодействие влияет на формирование региональной идентичности. Предметом исследования является взаимодействие памяти мигрантов и принимающего сообщества. В различных регионах оно может стать как причиной для конфликтов внутри локального сообщества, так и фактором для объединения граждан. В качестве объекта исследования в статье будет рассмотрен кейс подобного взаимодействия в Кемеровской области.

В рейтинге качества жизни населения России Кемеровская область по итогам 2021 г. оказалась лишь на 61-й строчке из 85 [Рейтинг российских регионов...]. Кроме того, Кемеровская область является одним из лидеров по убыли населения среди субъектов [Названы регионы...]. В регионе отмечается высокий уровень эмиграции: с 2008 г. из области уезжают больше людей, чем приезжают. Но даже в этих условиях область является самым густонаселенным субъектом Сибирского федерального округа. При этом Кузбасс все еще остается привлекательным регионом для внешних мигрантов. Одна из основных целей миграционной региональной политики не просто сокращение оттока населения, но и привлечение мигрантов на постоянное место жительства. Более того, есть основания считать миграцию основным источником возможного пополнения численности населения Кемеровской области [Миграция...].

Рассматривая процессы интеграции мигрантов и роль культурной памяти в этих процессах, мы учитываем особенность принимающего сообщества. Современная Кемеровская область является наиболее населенным, урбанизированным и промышленно развитым регионом Сибири. Область отличается сложным этническим составом, который

связан с особенностями заселения территории региона. В области проживает более 2,6 млн человек, которые представлены 153 народностями [Кемеровская область...]. Кемеровская область — этнически преимущественно русский регион, однако здесь проживают и представители коренных малочисленных народов: шорцы (10 672 человека) и телеуты (2520 человек).

Представители коренных малочисленных народов не составляют и одного процента населения. Они не имеют собственных образовательных учреждений, крупных информационных ресурсов и поэтому не могут быть самостоятельными акторами политики памяти в регионе. При этом их культурная память в последнее десятилетие актуализируется в регионе. Это происходит благодаря деятельности Министерства туризма и молодежной политики, Министерства образования и Министерства культуры и национальной политики Кузбасса. Активно эксплуатируются история и культура коренного населения для развития туристического потенциала и бренда региона. Это касается проведения культурно-массовых мероприятий на территории горнолыжного курорта «Шерегеш» и в музее-заповеднике «Томская писаница».

Возрождение национальных праздников шорцев началось еще в конце XX в. благодаря деятельности ученых и региональных активистов [Иванова]. Затем инициативу переняли представители местной и региональной администраций. Например, в столице области на базе Кемеровского краеведческого музея отмечается шорский праздник «Мылтык», а в городе Новокузнецке — шорский новый год «Чыл Пажи» [Национальный праздник...]. Министерство культуры и национальной политики проводит фестивали национальных культур, конкурсы шорского языка, организует выступления творческих коллективов малых народов [В Таштаголе состоится...]. Обращение к историческому и культурному наследию региона необходимо для формирования глобального регионального бренда. Согласно стратегии развития региона для этих целей как раз подходят Дни этнической культуры и День истории Кузбасса [Стратегия социально-экономического развития...]. Культурная память шорцев также актуализируется и через

образовательные практики. По инициативе Министерства образования и науки Кемеровской области и при финансовой поддержке «Разреза Кийзасского» (группа компаний «Сибантрацит») в 2020 г. в Кузбассе был издан первый в России федеральный учебник шорского языка «Шор тили» [Первый в России...]. Теперь в четырех школах региона школьники дополнительно могут изучать этот язык.

Подобным же образом региональная власть выстраивает работу с культурной памятью мигрантов. По данным Министерства культуры и национальной политики Кузбасса, на декабрь 2020 г. в области зарегистрировано 45 национальных общественных объединений. Эти организации «ставят своей задачей сохранение родного языка, национальной культуры, традиций и обычаев, активно участвуют в социально-экономической, общественной, культурной и спортивной жизни области» [Национальная политика]. Благодаря их функционированию мигранты не только в первом, но и во втором, третьем поколениях могут узнавать и поддерживать культурные практики страны исхода в контексте культуры принимающего сообщества. Организации, созданные для поддержания культурной памяти мигрантов, существуют преимущественно в областном центре: в Кемерове работают армянская община «Урарту», таджикский национальный культурный центр «Авиценна», Центр татарской культуры «Дуслык», Кемеровское общество еврейской культуры. Однако и в других муниципалитетах есть подобные объединения. Например, в городе Киселевске функционирует ингушская община «Вайнах», а в селе Пача Яшкинского района — Яшкинская местная национально-культурная автономия немцев.

Культурная политика области предполагает вовлечение членов национальных организаций в городские и региональные культурно-просветительские события. Это может происходить в формате проведения массового мероприятия, посвященного культуре одного народа. Например, в Прокопьевском районе Кемеровской области проводится всекузбасский фестиваль чувашской культуры [Валентинов]. Или же возможен вариант организации фестиваля, на котором представители самых разных культур, в том числе и мигрантов, могут репрезентовать свои традиции и наследие перед жителями

региона. В таком формате проводится ежегодный областной фестиваль-конкурс народов Кузбасса «В гостях у традиции» и областной детский фестиваль национальных культур «Родники Кузбасса» [Родники Кузбасса].

Областная администрация нацелена на работу с мигрантами и поэтому на базе госучреждений развивает новые способы адаптации и интеграции мигрантов. В 2021 г. в Кемеровской государственной библиотеке Кузбасса для детей и молодежи был открыт первый в регионе центр социокультурной адаптации детей и молодежи иностранных граждан. Проект, реализованный в рамках президентского гранта и при посредничестве Министерства культуры и национальной политики Кузбасса, нацелен на интеграцию мигрантов в культурное сообщество [Впервые в Кузбассе...]. Однако в регионе развиваются и обратные практики, когда интегрировать в культурные традиции мигрантов пытаются представители принимающего сообщества. В этом опять помогают государственные учреждения, такие как детские школы искусств. Сейчас в регионе на базе подобных учреждений работают более 100 центров и более 250 творческих коллективов [Национальная политика]. Большая часть из них рассчитана на работу с детьми и молодежью. Заниматься в них могут не только мигранты и представители конкретной культуры, но и все интересующиеся творчеством и культурой определенного народа. Так происходят интеграция культурной памяти и взаимовлияние наследия мигрантов на принимающее сообщество.

Возможность мигрантов реализовывать практики страны исхода, сохранять и транслировать свою культуру, вовлекаться в общественно-просветительские мероприятия принимающего сообщества и интегрировать собственные традиции в культуру принимающего региона снижает риск возникновения конфликтов между гражданами региона на национальной почве. При имеющейся возможности выразить себя у различных региональных этнических групп, которые пополняются за счет мигрантов, становится меньше поводов для споров.

Администрация области может обращаться к мигрантам для предотвращения возможных конфликтов. Подобный пример случился осенью 2020 г., когда произошел вооруженный

конфликт между силами Азербайджана и непризнанной Нагорно-Карабахской Республики и Армении. Конфликт стал крупнейшим с момента окончания Карабахской войны в 1994 г. Пытаясь избежать столкновений между мигрантами в Кемеровской области, губернатор Кузбасса Сергей Цивилев обратился к руководителям армянской и азербайджанской диаспор. Совместно они подписали обращение к жителям области и призвали к сохранению мира и согласия, несмотря на протекающий конфликт в их странах исхода [Малакович]. Данный кейс показывает, что представители сообществ мигрантов готовы сотрудничать как с региональной властью, так и друг с другом, несмотря на конфликтную ситуацию. А также подобная ситуация демонстрирует, что региональные власти работают на опережение конфликтных ситуаций на основе этнических споров. Кроме прочего, это пример того, как региональная идентичность, не связанная со страной исхода, превалирует при принятии решений у мигрантов.

Сплоченность локального сообщества зависит от общей идентичности, ядром которой становятся память, культура и история. Национальная политика нацелена на поиск объединяющих нарративов. Остается вопрос: из чего формируется региональная идентичность области, если этнически регион разнообразен, а также очень молод? В регионе нет продолжительной истории, которая есть в центральных областях России и с которой жители могут себя ассоциировать. В Кузбассе нет национальной доминанты, как у Татарстана, Тывы или Якутии. Единственной базой для формирования региональной идентичности становится индустриальная специфика региона.

В СМИ Кемеровскую область называют «угольной столицей России» [Львова]. Праздник День шахтера, который появился еще во времена СССР, в регионе считается главным — так о нем пишут в региональных и федеральных СМИ. С 2018 г. индустриальная

специфика региона закрепились и в его официальном названии, когда он стал именоваться как Кемеровская область–Кузбасс [Указ «О включении нового наименования...»]. Термин «Кузбасс» имеет два значения. Во-первых, в геологическом смысле это Кузнецкий каменноугольный бассейн. Во-вторых, с точки зрения экономико-географического подхода под этим термином понимается производственно-территориальный комплекс, который со временем стал восприниматься как синоним региона. Теперь наименование региона отражает не только экономическую, но и историческую особенность всей области. Закрепление индустриального нарратива памяти как доминанты завершилось тем, что опять же в 2018 г. регион получил новое летоисчисление. Область, которая еще в январе 2018 г. отметила 75 лет со дня основания, уже в июле 2021 г. праздновала 300-летний юбилей. Связано это с тем, что теперь дата основания региона связана с моментом обнаружения угля на территории региона. Шахтерский нарратив в мемориальной культуре остается доминирующим в региональной политике памяти области на протяжении всего XXI в. И именно этот нарратив становится объединяющим для мигрантов разных поколений и принимающего сообщества.

Большое разнообразие этнического состава населения Кемеровской области, позволяет интегрировать в общество различные дискурсы культурной памяти. Так возникает полиэтничная концепция. Выстраиваемое властями межкультурное взаимодействие способствует распространению различных культурных традиций и снижению конфликтогенного потенциала на национальной почве между представителями различных групп населения. Фрагментарность памяти принимающего сообщества и отсутствие этнической доминанты позволяют формировать надэтническую региональную идентичность, которая базируется на индустриальной специфике области.

Список источников

В День шахтера Кузбасс звучит особенно // Парламент Кузбасса : [сайт]. URL: <https://www.zskuzbass.ru/sobytiya-soveta/novosti/novosti-soveta/4537> (дата обращения: 18.10.2022).

В Таштаголе состоится ежегодный конкурс шорского языка «Переводчик» // Министерство культуры и национальной политики Кузбасса : [сайт]. URL: <https://mincult-kuzbass.ru/novosti-natsionalnaya-politika/10145/> (дата обращения: 09.04.2022).

Валентинов А. В Прокопьевском районе прошел всекузбасский фестиваль чувашской культуры // Кузбасс FM. 24.09.2013. URL: <http://kuzbassfm.ru/news/47124/> (дата обращения: 18.10.2022).

Впервые в Кузбассе откроется Центр социокультурной адаптации детей и молодежи инофонов «Солнечный кот» // Министерство культуры и национальной политики Кузбасса : [сайт]. URL: <https://mincult-kuzbass.ru/news/9678/> (дата обращения: 18.10.2022).

Головнева Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 42–50.

Докучаев Д. С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново : ИГУ, 2011.

Еремينا Е. В. Идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. 2011. № 3. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/781> (дата обращения: 24.04.2022).

Иванова А. Аборигены Горной Шории. Какие традиции шорцев живут сегодня? // Аргументы и факты. 19.08.14. URL: <https://kuzbass.aif.ru/society/1319171> (дата обращения: 09.09.2022).

Катбамбетова М. А. Региональная идентичность в контексте многоуровневой идентичности // Вестн. Адыгей. гос. ун-та. Серия 1 : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 4. С. 120–124.

Кемеровская область — Кузбасс // Официальный сайт полномочного представителя Президента России в Сибирском федеральном округе. URL: <http://sfo.gov.ru/okrug/KEM/> (дата обращения: 24.04.2022).

Крылов М. П. К теории региональной идентичности (по материалам Европейской России) // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теорет. конф. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 213.

Львова В. Кузбасс стремительно меняет свой облик // Rg.ru. URL: <https://rg.ru/2014/10/29/tuleev.html> (дата обращения: 18.10.2022).

Малакович И. «В Кузбассе армяне и азербайджанцы обсудили ненависть, ксенофобию и экстремизм» // Информационный портал «Кузбасс». 06.11.2020 URL: <http://kuzbass85.ru/2020/11/06/v-kuzbasse-armyane-i-azerbajdzhancy-obsudili-nenavist-ksenofobiyu-i-ekstremizm/> (дата обращения: 09.09.2022).

Миграция в Кемеровской области // Если быть точным. URL: https://tochno.st/problems/migrants/districts/sibirskiy_fo_regions/keмеровская_област (дата обращения: 24.04.2022).

Названы регионы, лидирующие по приросту численности населения // РИА Новости. 05.04.2021. URL: <https://ria.ru/20210405/naselenie-1604213004.html> (дата обращения: 24.04.2022).

Национальный праздник «Чыл-Пажи» // Администрация города Новокузнецка : [сайт]. URL: https://www.admnkz.info/web/otdpeople/glavnaa/-/asset_publisher/Kwa36OWoBFKf/content/id/1272830 (дата обращения: 09.09.2022).

Национальная политика // Министерство культуры и национальной политики Кузбасса : [сайт]. URL: <https://mincult-kuzbass.ru/natsionalnaya-politika/> (дата обращения: 18.10.2022).

Первый в России федеральный учебник шорского языка «Шор тили» издан в Кузбассе // Администрация правительства Кузбасса : [сайт]. URL: <https://ako.ru/news/detail/pervyyu-v-rossii-federalnyu-uchebnik-shorskogo-yazyka-shor-tili-izdan-v-kuzbasse> (дата обращения: 26.04.2022).

Рейтинг российских регионов по качеству жизни-2021 // РИА. Новости. 14.02.2022. URL: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html (дата обращения: 24.04.2022).

Родники Кузбасса // Министерство культуры и национальной политики Кузбасса : [сайт]. URL: <http://www.nt-kuzbass.ru/5056.htm> (дата обращения: 18.10.2022).

Сафронова Ю. А. Историческая память. Введение : учеб. пособие / 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020.

Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области — Кузбасса на период до 2035 года. URL: <https://xn---2035-3veg1c0a7eat.xn--p1ai/> (дата обращения: 09.04.2022).

Указ «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553938189> (дата обращения: 18.10.2022).

Reference

Dokuchaev, D. S. (2011). *Regional'naya identichnost' rossijskogo cheloveka v sovremennyh usloviyah* [Regional identity of the Russian person in modern conditions] : Avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. Ivanovo: IGU.

Eremina, E. V. (2011). *Identichnost' v kontekste sociologicheskogo analiza* [Identity in the context of sociological analysis]. *Regionologiya*, 3. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/781> (accessed: 24.04.2022).

Golovneva, E. V. (2013). *Regional'naya identichnost' kak forma kollektivnoj identichnosti i ee struktura* [Regional identity as a form of collective identity and its structure]. *Labyrinth. Gurnal social'no-gumanitarnyh issledovaniy*, 5, 42–50.

Ivanova, A. (2014). *Aborigeny Gornoj SHorii. Kakie tradicii shorcev zhivut segodnya?* [Aborigines of the Mountain Shoria. What traditions of the Shors live today?]. *Argumenty i fakty*. 19.08.2014. URL: <https://kuzbass.aif.ru/society/1319171> (accessed: 09.09.2022).

Katbambetova, M. A. (2013). *Regional'naya identichnost' v kontekste mnogourovnevoj identichnosti* [Regional identity in the context of multilevel identity]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filozofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya*, 4, 120–124.

Kemerovskaya oblast' — Kuzbass [Kemerovo Region — Kuzbass]. *Oficial'nyj sajt polnomochnogo predstavatelya Prezidenta Rossii v Sibirskom federal'nom okruge*. URL: <http://sfo.gov.ru/okrug/KEM/> (accessed: 24.04.2022).

Krylov, M. P. (2011). К теории региональной идентичности (по материалам Европейской России) [On the theory of regional identity (based on the materials of European Russia)]. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza: Sb. statej po itogam Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferenci*. Moscow: IMEMO RAS, 213.

Lvova, V. Kuzbass стремительно меняет свой облик [Kuzbass is rapidly changing your appearance]. *Rg.ru*. URL: <https://rg.ru/2014/10/29/tuleev.html> (accessed: 18.10.2022).

Malakovich, I. (2020). В Кузбассе армяне и азербайджанцы обсудили ненависть, ксенофобию и экстремизм [Armenians and Azerbaijanis discussed hatred, xenophobia and extremism in Kuzbass]. *Informacionnyj portal "Kuzbass"*. 06.11.2020. URL: <http://kuzbass85.ru/2020/11/06/v-kuzbasse-armyane-i-azerbajdzhancy-obsudili-nenavist-ksenofobiyu-i-ekstremizm/> (accessed: 09.09.2022).

Миграция в Кемеровской области [Migration in the Kemerovo region]. *Esli byt' tochnym*. URL: https://tochno.st/problems/migrants/districts/sibirskiy_fo/regions/kemerovskaya_oblast (accessed: 24.04.2022).

Национальная политика [National Policy]. *Sajt Ministerstva kul'tury i nacional'noj politiki Kuzbassa*. URL: <https://mincult-kuzbass.ru/natsionalnaya-politika/> (accessed: 18.10.2022).

Национальный праздник "Чыл-Пазхи" [National holiday "Chyl-Pages"]. *Sajt Administracii goroda Novokuznecka*. URL: https://www.admnkz.info/web/otdpeople/glavnaa/-/asset_publisher/Kwa36OWoBfKf/content/id/1272830 (accessed: 09.09.2022).

Названы регионы, лидирующие по приросту численности населения [The regions leading in population growth are named]. *RIA. Novosti*, 05.04.2021. URL: <https://ria.ru/20210405/naselenie-1604213004.html> (accessed: 24.04.2022).

Первый в России федеральный учебник шорского языка "Шор тили" издан в Кузбассе [The first Russian federal textbook of the Shor language "Shor Tili" was published in Kuzbass]. *Sajt Administracii Pravitel'stva Kuzbassa*. URL: <https://ako.ru/news/detail/pervyy-v-rossii-federalnyy-uchebnik-shorskogo-yazyka-shor-tili-izdan-v-kuzbasse> (accessed: 26.04.2022).

Рейтинг российских регионов по качеству жизни-2021 [Rating of Russian regions on quality of life-2021]. *RIA. Novosti*, 02/14/2022. URL: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html (accessed: 24.04.2022).

Rodniki Kuzbassa [Springs of Kuzbass]. *Website of the Ministry of Culture and National Policy of Kuzbass*. URL: <http://www.nt-kuzbass.ru/5056.htm> (accessed: 18.10.2022).

Safronova, Yu. A. (2020). *Istoricheskaya pamyat': vvedenie: uchebnoe posobie* [Historical memory: introduction: textbook]. 2-e izdanie ispr. i dop. SPb: Izdatel'stvo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge.

Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области — Кузбасса на период до 2035 года [The strategy of socio-economic development of the Kemerovo region — Kuzbass for the period up to 2035]. URL: <https://xn---2035-3veg1c0a7eat.xn--p1ai/> (accessed: 09.04.2022).

Указ "О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации" [Decree "On the inclusion of a new name of a subject of the Russian Federation in Article 65 of the Constitution of the Russian Federation"]. *Elektronnyj fond pravovyh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553938189> (accessed: 18.10.2022).

В День Шахтыора Кузбасс звучит особенно [Kuzbass sounds especially on Miner's Day]. *Sajt Parlamenta Kuzbassa*. URL: <https://www.zskuzbass.ru/sobytiya-soveta/novosti/novosti-soveta/4537> (accessed: 18.10.2022).

В Таштаголе состоится ежегодный конкурс шорского языка "Переводчик" [The annual competition of the Shor language "Translator" will be held in Tashtagol]. *Sajt Ministerstva kul'tury i nacional'noj politiki Kuzbassa*. URL: <https://mincult-kuzbass.ru/novosti-natsionalnaya-politika/10145/> (accessed: 09.04.2022).

Valentinov, A. (2013). В Прокопьевском районе прошёл всекузбасский фестиваль чувашской культуры [The All-Kuzbass festival of Chuvash culture was held in Prokopyevsky district]. *Kuzbass FM*, 24 Sept. URL: <http://kuzbassfm.ru/news/47124/> (accessed: 18.10.2022).

Впервые в Кузбассе откроется Центр социокультурной адаптации детей и молодежи инофонов "Солнечный кот" [For the first time in Kuzbass, the Center for socio-cultural adaptation of children and youth of foreign languages "Sunny Cat" will open]. *Sajt Ministerstva kul'tury i nacional'noj politiki Kuzbassa*. URL: <https://mincult-kuzbass.ru/news/9678/> (accessed: 18.10.2022).

Сведения об авторе

Андрисенко Симона Андреевна, магистрант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Information about the author

Simona A. Andrisenko, magister, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 15.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 30.11.2022

The article was submitted 15.11.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 30.11.2022

Научная статья

УДК 316.346.36:159.953 + 94:159.953 + 304.2 + 316.623

doi 10.15826/tetm.2022.3.035

Особенности смысловой трансляции коллективной исторической памяти

Наталья Сергеевна Корнющенко-Ермолаева

*Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Томск, Россия*

nskorn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7621-6367>

Аннотация. Статья посвящена методологической проблеме взаимодействия индивидуального и коллективного в феномене исторической памяти. Выявление специфических особенностей коллективной памяти, природы и динамики коллективных воспоминаний позволяет, с одной стороны, концептуализировать коллективную память, обосновывать ее онтологический статус, с другой — раскрывать особенности механизмов работы коллективных воспоминаний. В статье проведен анализ таких особенностей коллективной памяти, как конвенциональность, традирование, повторяемость, селективность и т. д. Отстаивается тезис об амбивалентной природе коллективной исторической памяти как процесса.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, традирование, конвенциональность, селективность

Для цитирования: Корнющенко-Ермолаева Н. С. Особенности смысловой трансляции коллективной исторической памяти // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 30–36. doi 10.15826/tetm.2022.3.035

Original article

Features of Semantic Translation of Collective Historical Memory

Nataliya S. Kornyushchenko-Ermolaeva

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia

nskorn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7621-6367>

Abstract. The article is devoted to the methodological problem of the interaction of individual and collective in the phenomenon of historical memory. The identification of specific features of collective memory, the nature and dynamics of collective memories allows, on the one hand, to conceptualize collective memory, to substantiate its ontological status, on the other, to reveal the features of the mechanisms of collective memories. The article analyzes such features of collective memory as conventionality, tradition, repeatability, selectivity, etc. The thesis about the ambivalent nature of collective historical memory as a process is defended.

Keywords: historical memory, collective memory, replication, conventionality, selectivity

For citation: Kornyushchenko-Ermolaeva, N. S. (2022). Osobennosti smyslovoi translyatsii kollektivnoi istoricheskoi pamyati [Features of Semantic Translation of Collective Historical Memory]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 30–36. doi 10.15826/tetm.2022.3.035

Одной из актуальных проблем в современных исследованиях исторической памяти продолжает оставаться проблема диалектического соотношения индивидуального и коллективного уровней и их взаимодействие. Решение этой проблемы связано с возможностью переноса существующих психологических и нейрофизиологических представлений о механизмах работы индивидуальной памяти на память коллективную. В связи с этим возникает вопрос об особенностях и механизмах работы исторической коллективной памяти.

В гуманитарном дискурсе отсутствует единое решение этого вопроса. М. Хальбвакс в начале XX в. заявил о том, что коллективная память работает по своим особым законам, несводимым к механизмам работы индивидуальной памяти. Однако такие исследователи, как П. Рикер и А. Ассман, обратившись к решению этого вопроса, начинают активно использовать категории и методы фрейдовского психоанализа в исследованиях механизмов работы коллективной памяти. П. Рикер использует такие категории психоанализа, как травма, скорбь, трансфер, утрата, навязчивая идея, вытеснение, искупление вины, меланхолия и т. д. Французский философ считает такой подход абсолютно оправданным, поскольку история XX в. дает нам примеры массового

насилия, войн и геноцида, в которых негативный опыт получает не только отдельный человек, но также и социальные группы, и общность в целом. Это факт позволяет говорить о коллективной травме или коллективном травматическом опыте. «То, что мы превозносим как “основополагающие события”, по существу является актами насилия, задним числом узаконенными хрупким правовым положением. Что создает славу одним, для других — поругание. Что для одной стороны является торжеством, для другой — проклятием. Именно таким путем в архивах коллективной памяти накапливаются символические раны, требующие исцеления» [Рикер, 117].

Немецкий культуролог А. Ассман в свою очередь делает попытки объяснить работу механизмов коллективной памяти через понятие сублимации. Она считает, что коллективные воспоминания формируются под воздействием коллективных переживаний наиболее сильных и имеющих этические коннотации чувств: гордости за героические победы, вины за причиненные массовые страдания и стыда за совершенные жестокие и не имеющие оправдания исторические преступления. Коллективный опыт этих переживаний составляет фундамент для формирования национальной идентичности и создания жизнеспособной

и долговечной национальной идеи. Травматический коллективный опыт имеет способность трансформироваться, вытесняться сообществом посредством установления памятников, мемориалов и священных мест. Таким образом, для того, чтобы снять обозначенное выше противоречие между позицией М. Хальбвакса и его оппонентов, необходимо поставить вопрос о специфике коллективной памяти, механизмах ее работы и особенностях смысловой трансляции.

Феноменами, которые организуют работу коллективной памяти, являются пространство и время. Именно они выступают организующим звеном в процессах запоминания, сохранения и воспроизведения воспоминаний. Временной горизонт работы индивидуальной памяти определяется количеством прожитых лет жизни отдельного человека. В отличие от индивидуальной коллективная память расширяет свои границы до 80–100 лет. Такое расширение происходит за счет соприкосновения и коммуникации с представителями других поколений (одновременного сосуществования трех, в исключительных случаях — пяти поколений). Рамки коллективной памяти ограничены не индивидуальным, а социальным, историческим временем (временем жизни трех — четырех поколений) и коллективным пространством событий национальной истории.

Пространственно индивидуальная память детерминируется социальным окружением (местом проживания, социальными ценностями «Мы-групп», к которым принадлежит индивид, сходным образом жизни). Пространство, формирующее память индивидуальную, не менее востребовано и для выстраивания коллективной памяти. Однако если техника запоминания в автобиографической памяти непосредственно связана с воображаемым пространством, то работа коллективной исторической памяти — с расстановкой знаков в естественном пространстве. Коллективная память сохраняет и воспроизводит исторические коды. Исторические объекты, размещенные в пространстве (мемориальные комплексы и монументы, здания, улицы и площади, целые городские кварталы, а иногда и само пространство) наделяются сообществами специфическими культурными смыслами, семиотизируются. Коллективная память локализуется в «местах

памяти». Это понятие появляется в работах французского историка П. Нора. Он проясняет это понятие несколькими способами. «Места памяти» являются местами в трех смыслах — материальном (монументальные и топографические места), символическом и функциональном. Таким образом, места памяти — это, во-первых, мемориальные места, такие как некрополи, памятники, улицы городов и архитектурные сооружения; во-вторых, топографические места: музеи, библиотеки, архивы; в-третьих, места памяти — это символические места. Под символическими местами П. Нора подразумевает коммеморативные церемонии, паломничества, юбилеи и эмблемы. И наконец, функциональные места. Это такие источники информации, как учебники, книги, автобиографии и мемуары. «Память, — пишет П. Нора, — укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте» [Нора, 48].

Второй особенностью коллективной памяти, на которую стоит обратить внимание, является сам процесс ее формирования, основанный на способности присваивать воспоминания. Этот процесс получил название традирования. Коллективная память — это память заимствованная, она не принадлежит конкретному человеку, но в процессе коммуникации «присваивается» индивидом и становится частью его индивидуальной памяти в виде знаний о национальных исторически значимых событиях. Сам человек не был или не мог быть их участником, но имел возможность узнать о них из газет или со слов очевидцев или свидетелей.

Сам процесс возникновения и способ существования коллективной памяти связан с рассказом, нарративом. Память возникает благодаря повествованию, актуализации прошлого и коммуникативному обмену. Коллективная историческая память существует *в понятиях и символах*, индивид представляет их себе, но не может помнить о них. Она возникает в первую очередь благодаря устному повествованию, поэтому ее часто называют живой памятью. Появление коллективного уровня памяти происходит посредством актуализации прошлого и коммуникативному обмену. «Материал коллективной памяти — это не даты и факты, это уникальная психологическая и социальная атмосфера, привычки и характерные черты

эпохи. Я могу дополнить их, могу заменить идеи образами и впечатлениями, рассматривая картины, портреты, гравюры того времени, думая о выходящих тогда книгах, поставленных пьесах, о стиле эпохи, о тех шутках и том типе юмора, которые тогда любили» [Хальбвакс, 12].

Прошлое в коллективном сознании не может воспроизводиться и сохраняться как таковое без работы социальных практик. Коллективная память воплощает свои представления о прошлом в традициях и ритуалах, а поддержание традиций, в свою очередь, является условием осуществления работы памяти. Прошлое как ушедшее, но еще актуально востребованное настоящим существует, пока есть живые носители воспоминаний, передающие их в многократно повторяющемся рассказе и коммеморативных практиках. Прошлое существует, пока его образы и смыслы востребованы следующими поколениями. Традиция, в отличие от памяти, не имеет персоналистического измерения, она анонимна и заканчивается, как только ее перестают поддерживать.

Таким образом, коллективная память имеет не биологическую, а социальную, искусственную природу. Она не существует как естественно данная от природы когнитивная способность фиксировать и воспроизводить информацию, ее существование возможно только посредством коллективных ритуальных повторяющихся практик, которые каждый раз восстанавливают в коллективной памяти значимые образы и переживания, связанные с ними. Коллективная память возникает благодаря повествованию, актуализации прошлого и коммуникативному обмену.

Что фиксируется в коллективной памяти? В отличие от индивидуальной коллективная память сохраняет и надолго закрепляет в коллективном сознании всеобщее признание определенной трактовки исторического события. Это воспоминание можно обнаружить у большинства сообщества (социальной группы или нации в целом).

Одной из особенностей коллективной памяти является конвенциональность воспоминаний — соглашение. Память сообщества о прошлом постоянно подвергается ревизии. При многократном повторении воспоминаний они просто сливаются в единое целое. Этот стереотипный образ, используя термин

Хальбвакса, можно обозначить как «имаго». Поскольку коллективная память основана на ресурсе совместного опыта и знаний, воспоминания, сохраняемые в ней, «не всегда бывают собственными: они передаются другим и становятся воспоминаниями из вторых, третьих, четвертых рук» [Вельцер, 23].

Коллективная память проявляет себя через создание сходных представлений о прошлом для представителей одной социальной группы или поколения. Именно поэтому спустя полвека американская писательница и философ С. Зонтаг назовет коллективную память конвенцией, соглашением [Зонтаг]. Это та идея, версия произошедшего, с которой согласно большинство представителей социальной группы. В коллективной памяти фиксируется единое понимание и определенное ценностное отношение к тем или иным историческим событиям, которое закреплено в письменных источниках, языке, нормах поведения, местах памяти и ритуалах. Эта версия может вступать в конфликтные отношения с фактами официальной истории. Главная функция коллективной памяти, по М. Хальбваксу, в трансляции этих знаний последующим поколениям, то есть отличительными свойствами памяти являются преемственность и общность представлений.

Сходство индивидуальной и коллективной памяти на первый взгляд заключается в селективности воспоминаний. В отличие от индивидуальной коллективная память селективна и избирательна в том смысле, что она часто стремится сохранить не воспоминания личной жизни, а значимые для определенной социальной группы исторические события. Эти воспоминания могут не являться значимыми с точки зрения профессиональной истории и могут быть ею забыты либо целенаправленно сокрыты от большинства. Память не критична, но всегда эмоционально окрашена. События и образы, восстанавливаемые памятью, ненадежны и изменчивы: «...Наше сознание словно не может обращать внимание на прошлое, не деформируя его; поднимаясь на поверхность, наше воспоминание словно преобразуется, меняет облик, портится под действием интеллектуального света» [Хальбвакс, 56]. В отличие от коллективной памяти, которая передается от поколения к поколению в форме устного рассказа, индивидуальная

память может никогда не «выводить на свет» свои воспоминания, переживая встречу с ними в полном одиночестве.

В коллективной памяти, как и в индивидуальной, можно наблюдать процессы повторения и вытеснения. Одни события вытесняются коллективной памятью так глубоко, что при попытке вызвать их, наталкиваются на сопротивление, другие же приводят к повторениям, репрезентирующим себя в празднованиях годовщин события.

Существенным свойством коллективной памяти является полифония или многоголосие, поскольку коллективных памятей много. Их столько, сколько в обществе социальных групп. Индивид может принадлежать одновременно к нескольким группам, поэтому его память представляет собой противоречивое сочетание представлений о прошлом. Коллективная память предлагает плюралистичное видение прошлого. Это отличает ее от памяти индивидуальной.

Коллективная память представляет собой подвижную, живую динамическую систему со сложными амбивалентными процессами. Она находится в постоянном процессе эволюции, поскольку открыта диалектике запоминания, сохранения информации и ее забвения. В ней происходят одновременно процессы формирования воспоминаний и их деформации.

Одним из механизмов смысловой трансляции воспоминаний в работе коллективной исторической памяти является синдром «запаздывающей памяти». Этот синдром был впервые описан М. Хальбваксом. В коллективной памяти запускается механизм забвения или на некоторое время вытеснения воспоминания о недавнем совместно пережитом опыте. Как правило, это касается особенно травматичных для коллективного сознания событий. До момента ухода из жизни очевидцев и участников этих событий критическое переосмысление и нравственная оценка пережитого опыта, как правило, невозможны. Значимость, как и нравственная оценка случившегося, становится возможной для коллективного сознания только благодаря появлению временного дистанцирования. Именно оно позволяет критически переосмыслить прошлое.

Нравственная рефлексия коллективного опыта последующими поколениями в равной

степени содержит в себе возможность того, что событие получит статус позитивного и сакрального, как и полной конфронтации с родительским наследием. «С одной стороны, коллективная память может не включать события, которые сыграли важную роль в жизни членов сообщества (как, например, память о Второй мировой войне в Японии). С другой стороны, социально и географически отдаленные события могут быть приближены в целях самоидентификации группами людей, которые не были их непосредственными участниками (как в случае с памятью о Холокосте)» [Kansteiner, 192].

Одним из важных механизмов смысловой трансляции воспоминаний, требующих пристального внимания, является механизм искажения фактов об историческом прошлом. Искажения присутствуют как в коллективной, так и в индивидуальной памяти. В обоих случаях искажения могут носить бессознательный характер. Однако бессознательные искажения воспоминаний в коллективной памяти обусловлены двумя факторами. С одной стороны, это высокая эмоциональная значимость события. Этот фактор также характерен для автобиографической памяти. С другой стороны, искажениям коллективной памяти во многом способствует многократная повторяемость рассказа о событии. В процессе неоднократной реконструкции воспоминания происходят постоянные дополнения нарратива вымышленными деталями. При этом можно обнаружить следующую закономерность: чем выше степень значимости воспоминания о событии, тем больше оно претерпевает существенных трансформаций и дополнений. В этом и заключается парадоксальность коллективной памяти.

Процесс аббераций памяти происходит следующим образом. В процессе рассказа вызванное в памяти воспоминание закрепляется в памяти каждый раз в новом, видоизмененном качестве. Во время рассказа оно обогащается новыми подробностями и может видоизменяться в зависимости от контекста ситуации, в которой происходило воспоминание. Таким образом, формула смысловой трансляции коллективной памяти может быть представлена следующим образом: воспоминание — это каждый раз событие плюс воспоминание о том, как

и при каких обстоятельствах его вспоминали [Корнющенко-Ермолаева].

Нарративы о коллективно пережитых исторических событиях, связанных с большой степенью травматичности, способны оказывать сильное эмоциональное воздействие на коллективную память. Они приводят их к тому стандарту, в котором их помнит большинство. Именно поэтому, когда речь идет о коллективных воспоминаниях, связанных с историческими потрясениями, можно наблюдать феномен стандартизации комплекса воспоминаний, присутствующих в социуме. Создается ложное впечатление, что все участники событий в этот период имели один и тот же опыт. В коллективной памяти происходит упрощение образа. Таким образом, коллективная память — это унифицированная конструкция, а именно, упрощение, редукция события до мифических архетипов. Следовательно, нарратив в коллективной памяти трансформируется в миф [Там же].

В процессе коммуникативной рокировки воспоминаниями внутри коммеморативных сообществ происходит длительный обмен историями. Рассказы изменяются и «перепишутся» до того момента, пока у большинства не окажется идентичный набор подобных историй. Эти истории могут быть основаны на отдаленно схожем личном опыте, но в деталях оказываются «ложными» — сконструированными воспоминаниями, сформированными не личным опытом, а скорее коммуникативным обменом. Чем более удалено от людей событие, тем стабильнее и статичнее память о нем. Воспоминание удаленного во времени события имеет более заверченный характер и уровень рефлексивности [Там же].

Таким образом, проделанный анализ позволяет прийти к выводу о том, что коллективная историческая память представляет собой амбивалентный процесс. Онтологический статус коллективной памяти связан со способностью социальных групп к запоминанию и забвению пережитого исторического опыта (реального и/или воображаемого). Коллективная память способна символически реконструировать социально значимые исторические события, придавая им определенную ценностную трактовку. Она фиксирует и формирует образы исторических событий в форме различных культурных стереотипов, символов и мифов. Теоретическая ценность концепта «историческая коллективная память» позволяет рассматривать образы актуальных и наиболее значимых для общества событий и исторических личностей как «места памяти». Эти места, с одной стороны, локализируются на хронологической оси, а с другой — в пространственных объектах и социальных действиях (коммеморациях).

В качестве особенностей и механизмов работы коллективной памяти можно выделить следующие: конвенциональность как способность сохранять ту версию произошедшего, с которой согласно большинство представителей социальной группы; традирование как передачу и присвоение прошлого воспоминания из вторых, третьих, четвертых рук; повторение и вытеснение значимых воспоминаний; селективность как способность коллективной памяти проводить отбор событий, значимых для сохранения в памяти социальной группы, но не имеющих ценности для официальной версии истории; полифонический и конфликтный характер воспоминаний, а также синдром «запаздывающей памяти».

Список источников

- Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. 2005. № 2(40). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (дата обращения: 30.05.2022).
- Зонтаг С. Когда мы смотрим на боль других. URL: <http://index.org.ru/journal/22/index.html> (дата обращения: 30.06.2022).
- Корнющенко-Ермолаева Н. С. Идеология versus коллективная историческая память? К истории дискурса // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 64–74. doi: 10.17223/1998863X/60/7
- Нора П. Всемирное торжество памяти. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> / (дата обращения: 12.05.2021).
- Рикер П. Память. История. Забвение. М. : Изд-во гуманитар. лит., 2004.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3(40–41).

Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // *History and Theory*. 2002. Vol. 41, № 2. P. 179–197.

References

Halbwachs, M. (2005). Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2–3(40–41).

Kansteiner, W. (2002). Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *History and Theory*, 41, 2, 179–197.

Kornyushchenko-Ermolaeva, N. S. (2021). Ideologiya versus kollektivnaya istoricheskaya pamyat'? K istorii diskursa [Ideology versus collective historical memory? To the history of discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 60, 64–74. doi: 10.17223/1998863X/60/7

Nora, P. *Vsemirnoe torzhestvo pamyati* [World Celebration of Memory]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> / (accessed: 12.05.2021).

Riker, P. (2004). *Pamyat'. Istoriya. Zabvenie* [Memory. History. Oblivion.]. M.: Izd-vo gumanitarnoi literatury.

Welzer, H. (2005). Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo [History, memory and modernity of the past]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2(40). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (accessed: 30.05.2022).

Zontag, S. *Kogda my smotrim na bol' drugikh* [When we look at the pain of other]. URL: <http://index.org.ru/journal/22/index.html> (accessed: 30.06.2022).

Сведения об авторах

Корнющенко-Ермолаева Наталия Сергеевна, старший преподаватель Томского университета систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия; аспирант Томского государственного университета

Information about the authors

Nataliya S. Kornyushchenko-Ermolaeva, Senior Lecturer, Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia; postgraduate student of Tomsk State University

*Статья поступила в редакцию 15.09.2022;
одобрена после рецензирования 30.09.2022;
принята к публикации 15.10.2022*

*The article was submitted 15.09.2022;
approved after reviewing 30.09.2022;
accepted for publication 15.10.2022*

Научная статья

УДК 314.7.044 + 325.14 + 316.325 + 94:159.953 + 929.52 + 392.3:159.953

doi 10.15826/tetm.2022.3.036

«История старших»: историческая политика Дома Дружбы народов г. Казани

Александр Викторович Овчинников

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

ovchinnikov8_831@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0831-0786>

Аннотация. Цель работы — анализ теоретических и практических аспектов мнемонической адаптации и интеграции мигрантов в Республике Татарстан, российском регионе с собственным сложным ландшафтом памяти. Источниками исследования выступают материалы деятельности Дома Дружбы народов г. Казани. Методологической базой статьи является конструктивизм. В результатах исследования отмечается примордиальная основа официальных исторических представлений, совокупность которых предложено трактовать в качестве «истории старших». Констатируются автономность нарративов о прошлом «местных» и «пришлых», а также разная значимость исторических воззрений для «молодых» и «старших». Выявлена связь между противоречиями в социальной и исторической политике Дома Дружбы народов. В выводах статьи предложены практические рекомендации по активизации процессов мнемонической адаптации и интеграции мигрантов, главная из которых — актуализация их семейной памяти.

Ключевые слова: Дом Дружбы народов, иммигранты, историческая память, историческая политика, адаптация и интеграция, семейная память

Для цитирования: Овчинников А. В. «История старших»: историческая политика Дома Дружбы народов г. Казани // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 37–46. doi 10.15826/tetm.2022.3.036

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00503 «Трансформация коллективной памяти миграционных сообществ в современной России: межпоколенческая динамика, семейные ценности и коммеморативные практики».

Original article

The History of the «Elders»: the Historical Policy of the House of Friendship of Nations of Kazan

Aleksandr V. Ovchinnikov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ovchinnikov8_831@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0831-0786>

Abstract. The purpose of the work is to analyze the theoretical and practical aspects of mnemonic adaptation and integration of migrants in the Republic of Tatarstan, a Russian region with its own complex landscape

© Овчинников А. В., 2022

of memory. The sources of the research are the materials of the activity of The House of Friendship of Nations in Kazan. The methodological basis of the article is constructivism. The results of the study note the primordial basis of official historical representations. The autonomy of narratives about the past of “local” and “newcomers” and different significance of historical views for the “young” and “senior” is stated. The connection between contradictions in the social and historical policies of The House of Friendship of Nations is revealed. The conclusions of the article offer practical recommendations for activating the processes of “mnemonic” adaptation and integration of migrants, the main of which is the actualization of their family memory.

Keywords: the House of Friendship of Nations, immigrants, historical memory, historical policy, adaptation and integration, family memory

For citation: Ovchinnikov, A. V. (2022). “Istoriya starshikh”: istoricheskaya politika Doma Druzhyby Narodov g. Kazani [“The History of the Elders”: the Historical Policy of the House of Friendship of Peoples of Kazan]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 37–46. doi 10.15826/tetm.2022.3.036

Acknowledgments: the article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 22-28-00503 “Transformation of the collective memory of migration communities in modern Russia: intergenerational dynamics, family values and commemorative practices”.

Для современного российского государства и тем более общества «проблема иммигрантов» является актуальной, о чем не перестают свидетельствовать динамика соответствующих публикаций в прессе [Новости миграции...] и оживленная научная дискуссия [Долгов, 29–35] вокруг различных аспектов адаптации и интеграции «пришлых» [Малахов 2015]. В осмыслении места и роли иммигрантов в современном российском социуме сфокусировались, на наш взгляд, три принципиально отличные друг от друга «реальности»: обыденного мышления, государственных идеологем и методологии научного анализа. Отечественная специфика, на мой взгляд, заключается в частом «пересечении» этих систем координат, когда, например, официальная риторика отталкивается от представлений обывателя и заменяет собой собственно научную методологию [Шнирельман, 30–66]. В свою очередь, это приводит не к «решению проблемы иммигрантов», а наоборот, что подтверждается большим объемом фактологического материала, к конструированию этой «проблемы», актуализации ее в публицистике и СМИ, появлению потенциально конфликтогенных рецептов решения, которые чреваты серьезными социальными последствиями [Овчинников 2018]. Таким образом, в настоящее время назрела необходимость создания научно обоснованной теоретической модели анализа российского варианта «проблемы иммигрантов», учитывающей не только социальные последствия попыток ее разрешения, но и предлагаемые

различными авторами интеллектуальные практики ее осмысления.

Важнейшей частью такой теоретической модели является выработка методологического и методического инструментария для изучения «точек диффузии» исторической памяти «местных» и «пришлых», так как в мировоззрении обывателя и постсоветских государственных идеологиях большое место уделяется «конструкциям прошлого», через которые осмысливается «настоящее» и обосновываются конкретные практические решения. Представления о прошлом — серьезный символический капитал, обладание которым, с одной стороны, позволяет принимающей стороне конструировать и транслировать определенную картину мира, а иммигрантам постепенно встраиваться в новые для них социально-экономические и политические отношения, иными словами, постепенно, через общее прошлое становиться «своими».

Несмотря на то что к настоящему времени накоплен достаточно внушительный объем зарубежных и отечественных исследований по проблемам исторической политики, исторической памяти и в целом исторической культуры, публикаций, посвященных роли образов прошлого в адаптации и интеграции мигрантов, пока относительно немного, но само их появление координировано в том числе и работами исследовательского коллектива, отношение к которому имеет автор этих строк. В рамках работы «незримого колледжа» предпринимались попытки изучения теоретических

основ и конкретных мировых и российских кейсов «мнемонической» адаптации и интеграции иммигрантов [Аникин; Линченко; Овчинников, Головашина, Благинин]. Пожалуй, важнейшим выводом этих исследований следует считать доказательство продуктивности конструктивизма как методологической основы дальнейшего анализа проблемы.

Диапазон практик адаптации и дальнейшей интеграции иммигрантов продолжает оставаться обширным, и в нем важно выбирать кейсы, результатом изучения которых стало бы дальнейшее накопление перечня рекомендаций общественным и государственным структурам. В этом спектре важной представляется «извечная» дилемма «отцов и детей», дискурс которой информативен для изучения жизни иммигрантов: значительная их часть приходится на бывшие союзные республики Закавказья и Средней Азии, где возрастные отличия напрямую связаны с социальным статусом и предписанными нормами поведения.

В век глобализации, развития СМИ и Интернета различные версии истории являются доступными и проблема «отцов и детей» наполняется новым содержанием. Возникают следующие вопросы и одновременно исследовательские задачи: насколько общее советское прошлое и соответствующее восприятие истории являются «базисной» платформой для диалога между старшими поколениями «местных» и «пришлых»; какова роль в этом диалоге постсоветских этнонациональных историй, навязывающих, как известно, автономное от России, а иногда и враждебное по отношению к ней прошлое; если «младшие» поколения иммигрантов являются носителями только «нового исторического сознания», то как его сначала «примирить», а затем инкорпорировать с основными постулатами официального российского нарратива (который, между прочим, в отдельных региональных аспектах сам является фрагментарным и еще не полностью сформированным)?

Поставленные вопросы служат началом большого исследования, часть которого изложена в данной статье, и являются попыткой осмысления налаживания диалога о прошлом между иммигрантами и принимающей стороной с точки зрения государства. Речь идет

о государственной исторической политике, которая реализуется бюрократическим аппаратом и является результатом взаимодействия чиновников прежде всего со старшими поколениями общин иммигрантов, которые, в силу традиций, пока еще «говорят за молодых», как бы оттеняя их современное восприятие мира своим мировоззрением.

Интереснейшим кейсом, характеризующим историческую политику одного из регионов России в отношении иммигрантов и в то же время отражающим взаимодействие разных картин прошлого, пытающимся транслировать получившиеся конструкты «минувшего» через официальных лидеров общин в «массы» иммигрантов, является деятельность Дома Дружбы народов (далее — ДДН) в г. Казани Республики Татарстан. Источниками исследования послужат официальный сайт этой организации [Дом Дружбы...], сообщения СМИ о проводимых под ее эгидой мероприятиях, так или иначе связанных с интерпретациями прошлого, а также результаты анкетирования иммигрантов.

Дом Дружбы народов является государственной организацией (его учредитель — Кабинет министров РТ, а состоит он в подчинении Министерства культуры РТ). Находящиеся под его эгидой общины иммигрантов числятся формально общественными объединениями в составе Ассамблеи народов Татарстана [Там же]. Среди немногочисленных исследований, посвященных ДДН, следует отметить фундаментальную статью Л. В. Сагитовой о ретроспективе социальных аспектов деятельности организации [Сагитова]. Автор, на мой взгляд, верно отметила «промежуточное» положение ДДН между идеалами советского интернационализма и неумолимо наступающей глобализацией. Из исследования Л. В. Сагитовой можно сделать вывод о том, что «родимые пятна» советского прошлого в новых условиях обуславливают сложности (в частности, бюрократического характера) в решении структурами ДДН конкретных социальных проблем иммигрантов, затрудняют взаимодействие с другими государственными организациями (например, МВД). Автор не касалась проблем исторической политики, что на заключительном этапе настоящего исследования позволит определить характер взаимосвязей между

«насущным социальным» и «отвлеченным символическим».

Сам Татарстан в ряду российских регионов отличается сложным «мнемоническим ландшафтом». Кроме узловых точек общегосударственного исторического нарратива здесь нельзя не отметить серьезных усилий местных властей по конструированию не только регионально-этнической истории татар-суннитов, но и истории огромного евразийского «татарского мира», впрочем, политически и культурно «запрограммированного» на отстаивание региональных интересов. Татарстан, где, согласно официальному брендингованию местности, соединились Запад и Восток [Макарова], является привлекательным местом «обретения новой Родины» для выходцев из бывших советских республик Средней Азии и Закавказья. Дом Дружбы народов, несущий явные черты советского интернационализма, призван канализировать поток иммигрантов в приемлемое для государства русло, в том числе, по крайней мере декларируемых, представлений о прошлом. Однако здесь проявились серьезные проблемы мировоззренческого характера, связанные прежде всего с содержанием официальных идеологем, которые кладутся в основу исторической политики ДДН.

Судя по материалам официального сайта интересующей нас организации, иммигрантов можно охарактеризовать как умозрительную социальную категорию, выделяемую государством по признакам относительно длительного (не связанного с туризмом) нахождения людей на его территории и отсутствия у них официального гражданства (или относительно недавнего его приобретения). Таким образом, первоначально иммигранты не вписываются в социальные структуры «местных», и их адаптация и интеграция напрямую зависят от того, по каким основаниям в дальнейшем классифицируют иммигрантов, чтобы получившиеся таксоны, как «пазлы», вложить в уже имеющуюся (вернее, официально воображаемую) мозаику социума принимающей стороны.

Сами основы данной классификации иммигрантов зависят от ряда идеолого-политических факторов, среди которых в России наиболее влиятелен фактор этнический, что обуславливает официальное (то есть закрепленное в соответствующих документах) деление

иммигрантов на этнические (а не социально-профессиональные) группы. Государство воображает иммигрантов совокупностью гомогенных групп, относящихся к тем или иным народам и имеющих такие характеристики, как «менталитет», «религиозные и культурные традиции и обычаи» и, наконец, «история». Иными словами, уже изначально в прибывшем иммигранте государство видит не врача, учителя или строителя, а узбека, таджика или азербайджанца и явно на первое место ставит их не столько социальную, сколько культурную адаптацию.

К сожалению, приходится констатировать, что в основе теоретической базы такого вектора восприятия иммигрантов лежит примордиализм, который постулирует объективное существование народов (в этническом смысле слова), реальность их многовековой истории и их субъектность в мировом историческом процессе. Примордиализм уже долгое время подвергается обоснованной критике специалистов, не без оснований указывающих на его конфликтный потенциал и «пригодность» для квазиобъяснения реальных этнических столкновений, в том числе и на постсоветском пространстве [Малахов 2007, 66–74]. Однако примордиализм удивительно живуч и практически нечувствителен к критике, что позволяет видеть в нем глубинную эмоциональную составляющую, укладывающуюся в феномен традиционного сознания [Овчинников 2020a].

В дискурсе примордиализма постулируется важная роль «общего прошлого» в «культурной» адаптации и интеграции иммигрантов, что обуславливает создание интересных мнемонических ландшафтов, сеть которых призвана накрыть современную социально-экономическую реальность. Рассмотрим, какой именно мнемонический ландшафт сложился в результате более чем 20-летнего функционирования ДДН в г. Казани.

Официальный сайт ДДН состоит из «подразделов» (сайтов национально-культурных объединений), каждый из которых посвящен одной национальности. В свою очередь, в этих «подразделах» имеются исторические справки, вкратце раскрывающие прошлое народа. Эти справки интересны тем, что представляют собой официальное видение истории той или иной этнической группы. Первоначально

интересно проанализировать сведения о русском народе, так как они, во-первых, отражают основные положения общефедерального нарратива; во-вторых, история русских, по сути, позиционируется тем символическим пространством, в которое предполагается вписаться историям иммигрантов.

В очерке об истории русских речь идет о «соборном мироощущении», «единой этнокультурной общности», начавшей свое формирование в XIII–XIV вв. Констатируется большая роль миграционных процессов в формировании русских, но эти миграции связаны не с приходом нового «иностранного» населения и заимствованием элементов культуры и, например, хозяйственных инноваций соседей, а с колонизацией и территориальной экспансией. Отмечается, что в ходе освоения новых территорий происходила мирная «естественная» ассимиляция местного населения, но в более позднее время (XVIII–XIX вв., то есть в эпоху присоединения Закавказья и Средней Азии) случались и конфликты «русских православных общин» с местным населением из-за земли и других ресурсов [Русское национально-культурное...].

Даже в рамках примордиализма в таком нарративе трудно найти место для историй иммигрантов. Также не следует забывать, что с 2020 г. русский народ обозначен в Конституции РФ как государствообразующий, и фактически история государства подменяется историей одной, пусть и самой большой этнической группы. Экзаменационные вопросы по истории для желающих получить гражданство или вид на жительство иммигрантов — это вопросы по истории русских и православия, даже без учета историй других «коренных» народов России [Экзамен для иностранных...] (этот факт был в частной беседе изложен одному из чиновников ДДН, в ответ он рассказал о сложной бюрократической процедуре утверждения вопросов для подобных экзаменов). Проявляющаяся даже в юридических контурах иерархия носит определенный отпечаток древнейшей индоевропейской традиции трехчленного вертикального деления общества. Не случайно написанный в рамках этой же традиции диалог Платона «Государство» сегодня популярен у крайне правых, обычно мало симпатизирующих иммигрантам [Александр Дугин...].

Исследуемый ДДН находится в Казани — столице Татарстана, поэтому логично проанализировать содержащиеся на сайте ДДН официальные положения об истории татар. Целного текста по этому вопросу обнаружить не удалось, но в татарском подразделе сайта имеется ссылка на Всемирный конгресс татар (ВКТ) — общественную организацию, созданную при деятельном участии властей Республики Татарстан. В самых общих чертах продвигаемая ВКТ версия истории «единой татарской нации» похожа на рассмотренный выше русский нарратив о «единой этнокультурной общности», что ставит тот же вопрос о месте в этом мнемоническом ландшафте для историй иммигрантов. Сложности иммигрантам добавляет и тот факт, что общефедеральный «русский» и официальный татарстанский нарративы часто идут параллельно, а местами противоречат друг другу (особенно когда речь идет об исторических истоках российской государственности) [Овчинников 2020б].

Обратимся к подразделам сайта ДДН — страницам национально-культурных ассоциаций и автономий среднеазиатских народов, представители которых составляют значительную долю иммигрантов Татарстана. При их анализе складывается впечатление, что мы имеем дело с филиалами посольств соответствующих стран. Справки об истории и культуре данных народов написаны без участия российской стороны и соответственно без учета ее исторической политики. При ближайшем ознакомлении приходит понимание, что перед нами варианты автономных этнонациональных историй, в которых общему с Россией в целом и с Татарстаном в частности прошлому, за редким исключением, внимания практически не уделено. Например, сайт Национально-культурной автономии казахов Республики Татарстан «Казахстан» открывается международными новостями об этнической казахской культуре. Не совсем понятно, какое отношение к адаптации и интеграции казахских иммигрантов в России, и в частности в Татарстане, имеет новость об «Абаевских чтениях» в г. Пекине или о презентации цифровой библиотеки казахской литературы в г. Баку. Также неясно, как связаны жизнь казахов в Казани и сугубо внутренние новости Казахстана. Сама историческая справка

о Казахстане написана в примордиальном контексте и в рамках казахской этнонациональной истории [Национально-культурная автономия казахов...]. Особо отмечается, что казахи-иммигранты на территории России незначительно подвергаются ассимиляции. Ни о какой «общей истории» речи не идет, хотя здесь сам собой напрашивается образ Золотой Орды (Улуса Джучи) — средневекового государства, которое и в Татарстане, и в Казахстане считают важнейшим звеном своей истории.

На сайте Национально-культурной автономии узбеков РТ история этого народа представлена древним и средневековым периодами, заканчивается же очерк временем «экспансии Российской империи» [Национально-культурная автономия узбеков...]. Далее и в других контекстах Россия не упоминается.

Выгодно отличаются от предыдущих образы прошлого на сайте Национально-культурной автономии таджиков РТ. В многочисленных новостных сообщениях прослеживается взаимосвязь истории Таджикистана и России (в том числе и Татарстана). Показательна новость от 1 сентября 2022 г. с говорящим названием: «Казанский Кремль: где находился таджикский овраг?». В исторической справке констатируются положительные последствия нахождения территории современного Таджикистана в составе Российской империи и СССР, перечисляются конкретные достижения в хозяйственном и культурном развитии этих эпох [Национально-культурная автономия таджиков...]. Однако данный вариант истории является «историей старших», по умолчанию приписываемой и «молодым», но результаты анкетирования самих «молодых» (50 человек в возрасте 17–20 лет) говорят о второстепенности прошлого в их взглядах на мир и ориентированности на решение конкретных социальных и экономических проблем.

Без находящихся в дискурсах примордиализма и официальной картины мира наводящих вопросов об истории и культуре причины переезда в Россию студенты-таджики описывали почти «внеисторично» и «внекультурно», но с большим уклоном в сторону семейной истории (орфография и пунктуация сохранены): «...главной причиной стала трудовая безработица республики. Вторая причина

миграция с целью получения образования. Не смотря на то, что с таджикским дипломом почти что не возможно работать за границей и даже в самом Таджикистане оно еще очень сильно бьет по карману, даже если ты учишься на бюджете трата денег не прекращается. Это первостепенные причины переезда. С возрастом все больше и больше видишь причины миграции таджиков, которые касаются экономической нестабильности, низкого уровня жизни и несправедливое по моему мнению отношение к религиозным убеждениям. Таджикистан на 90 % состоит из мусульман, но эти люди настолько привыкли к несоблюдению их религиозных прав, что уже и не видят разницу. С Россией (Таджикистан. — А. О.) связывают дипломатические отношения, межведомственные соглашения связанные с политической, экономической и военных областях. Также экономика (внутренняя) Таджикистана зависит в какой-то мере от частых переводов денег мигрантов из России. На сколько я знаю Таджикистан и Татарстан связывает сельскохозяйственная отрасль, сфера добычи полезных ископаемых и т. д. Лично для моей семьи причиной переезда из Красноярска в Казань стало широкое развитие исламских школ, свободное ношение хиджаба, большое количество мусульман» (Мафтуна, 18 лет, студентка).

«Мой отец в 1997 г. переехал в Россию причиной стало Гражданская война так как после войны там тяжело было жить. Он переехал начал зарабатывать деньги и помогать родителям. В Казань (Я. — А. О.) переехал этим летом потому что красивый город. Исламский город. Добрые люди. С целью учиться» (Хабиб, 19 лет, студент). На прямые вопросы об общем в истории и культуре России (Татарстана) и Таджикистана студенты не смогли ответить прямо и, воспользовавшись Интернетом, выдавали однотипные ответы из диапазона приписываемой «истории старших»: «Таджикистан и Россию связывают тесные и братские узы, дружба народов и культурное наследие. Дипломатические отношения между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией были установлены в апреле 1992 г. Таджикистан с Татарстаном связывают религиозные и культурные ценности, сплоченность и взаимные отношения» (Хабиб, 19 лет, студент) [Полевые материалы...].

Вернемся к исторической политике ДДН. Схожие с репрезентациями прошлого в исторических очерках об истории среднеазиатских народов тенденции наблюдаются и в сюжетах об истории бывших советских закавказских народов. История и культура Азербайджана представлены сравнительно объемными текстами, но места России там практически нет, лишь вскользь упоминается о советском периоде, и то в контексте развития азербайджанского языка и культуры [РОО азербайджанцев...]. Показателен пример Грузии, где в повествовании между вхождением страны в состав Российской империи и получением независимости в 1991 г. — полная лакуна [Национально-культурная автономия грузин...].

В этом ряду выгодно отличается Армения (как и Таджикистан среди среднеазиатских республик), в историческом нарративе об истории которой уделено место армяно-российским связям в прошлом, в частности, истории армянской диаспоры в России. Судя по доступным официальным материалам, национально-культурная автономия армян активно участвует в общественной и культурной жизни Татарстана [Национально-культурная автономия армян...]. Так, в своем интервью лидер армянской общины Казани актуализировал факт существования колоний армянских купцов в Болгаре в XIII в. [Михаил Хачатурян...]. В пределах самого Болгара, считающегося центром татарского ислама, местом «малого хаджа», на территории православной церкви был установлен армянский хачкар [В Болгаре...].

Изложенный выше материал позволяет говорить об отсутствии контролируемой системности в исторической политике по отношению к иммигрантам ДДН в Казани. Да, проводятся общие мероприятия, посвященные, например, участию народов бывшего СССР в Великой Отечественной войне (шествия представителей общин иммигрантов в национальной одежде в «Бессмертном полку»), но даже они своей эмоциональностью и массовостью на самом деле не столько ослабляют, сколько, наоборот, укрепляют этническую идентичность иммигрантов, создавая, по моему мнению, лишь видимость адаптации и интеграции.

Малая эффективность исторической политики ДДН, на мой взгляд, является отражением противоречий в его политике социальной, которая, как указывалось выше, была проанализирована в работе Л. В. Сагитовой. Сопоставление результатов двух исследований дает право говорить о взаимосвязи социально-политических противоречий и разных подходов к освещению общего прошлого «местных» и «пришлых». Пока не будут урегулированы насущные проблемы банального выживания, даже согласованные штудии о прошлом будут носить схоластичный характер малопригодной для современной жизни «истории старших». Между тем это не означает отсутствие (со ссылкой на фундаментальную «непригодность» примордиальной теоретической базы) необходимости «согласовывать историю», делать это применительно к практике работы ДДН, на мой взгляд, необходимо в самых общих чертах по следующим параметрам:

1. Минимизировать влияние официальных историй «стран исхода» на общины иммигрантов.

2. На официальном сайте ДДН и других подобных организаций предусмотреть создание обязательных для ознакомления иммигрантами и доступных для понимания нарративов об историческом взаимодействии данного народа с Россией в целом и народами определенного региона в частности.

3. На официально организуемых с участием иммигрантов культурных мероприятиях актуализировать не столько их этническую идентичность, сколько формировать идентичность российскую. Желательно не допускать противоречий между общероссийской и региональной самоидентификациями (например, «россияне» и «татарстанцы»).

4. Разработать ряд мер по актуализации семейной памяти (в противовес этнической), что, на наш взгляд, позволит постепенно перевести проблемы культурной адаптации в плоскость социальной интеграции.

5. Вопросы в экзаменационных билетах на получение вида на жительство и гражданства дополнить материалом об обмене народами в прошлом культурным и материальным опытом, по возможности снизить степень «русскоцентричности».

Список источников

- Александр Дугин: мы двигаемся к построению государства Платона. 05.12.2016. URL: https://tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-my-dvigaemsja-k-postroeniju-gosudarstva-platona_37941 (дата обращения: 15.11.2022).
- Аникин Д. А. Праздник как элемент культурной памяти миграционного сообщества // *Studia Humanitatis*. 2018. № 2. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 15.11.2022).
- В Болгаре состоялось открытие армянской святыни — хачкара. 23.10.2022. URL: <http://spas-rt.ru/news/tema-dnya/v-bolgare-sostoyalos-otkrytie-armyanskoj-svyatyini> (дата обращения: 15.09.2022).
- Долгов А. А. Основные направления и этапы исследования миграции населения в отечественной науке // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 2. С. 29–35.
- Дом Дружбы народов Татарстана. URL: <https://addnt.ru/house> (дата обращения: 15.11.2022).
- Линченко А. А. Миграция и миграционные сообщества в фокусе memory studies // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2, № 2. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/106476/1/tetm-2-2021-01.pdf> (дата обращения: 15.11.2022).
- Макарова Г. И. Образ Татарстана и стратегии его брендинга в представлениях и оценках населения региона // *Регионоведение*. 2018. Т. 26, № 2. С. 338–357.
- Малахов В. С. Понаехали тут...: Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М. : Новое лит. обозрение, 2007.
- Малахов В. С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2015.
- Михаил Хачатурян: «Со времен Волжской Булгарии армяне здесь жили и строили». 06.04.2015. URL: <http://addnt.ru/mikhail-khachaturyan-so-vremen-volzhskoj> (дата обращения: 15.11.2022).
- Национально-культурная автономия армян Республики Татарстан. URL: <https://arm.addnt.ru/history/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Национально-культурная автономия грузин города Казани «Сиони». URL: <http://grz.addnt.ru/o-gruzii/history/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Национально-культурная автономия казахов Республики Татарстан «Казахстан». URL: <https://kaz.addnt.ru/history/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Национально-культурная автономия таджиков Республики Татарстан. URL: <https://tgk.addnt.ru/history/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Национально-культурная автономия узбеков Республики Татарстан. URL: <https://uzb.addnt.ru/history/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Новости миграции в России и мире сегодня. URL: <https://rg.ru/tema/obshestvo/socio/migranti/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Овчинников А. В. «Культурная интеграция мигрантов»: методологические аспекты деконструкции дискурса // *Гуманитарные исследования Центральной России*. 2018. № 1(6). С. 82–90.
- Овчинников А. В. 2020а. Символический предел фронта: «генофонд народа» и миграции в прошлом и настоящем // *Журнал фронтальных исследований*. 2020. № 2. С. 60–76.
- Овчинников А. В. 2020б. «Русский мир», «татарский мир» и «история кряшен»: исторические составляющие (нео) колониальных мифов в современном Татарстане // *История: электрон. науч.-образоват. журн*. 2020. Вып. 9(95). URL: <https://history.jes.su/s207987840012219-9-1/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Овчинников А. В., Головашина О. В., Благинин В. С. Культурная память россиян в ситуации миграционных вызовов // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 55. С. 196–202.
- Полевые материалы А. В. Овчинникова за 2022 г. (личный архив автора).
- РОО (Региональная общественная организация) азербайджанцев Республики Татарстан. URL: <http://azr.addnt.ru/history/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Русское национально-культурное объединение Республики Татарстан. URL: <https://rus.addnt.ru/history/> (дата обращения: 15.11.2022).
- Сагитова Л. В. Дом Дружбы народов как объект и субъект социального реформирования: от советской модели к глобализационной? // *Журн. исследований социал. политики*. 2011. Т. 9, № 4. С. 495–512.
- Шницерльман В. А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М. : Новое лит. обозрение, 2011. Т. 2. С. 30–66 («Кубанский почин»).
- Экзамен для иностранных граждан. История. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. ФГБНУ «Федеральный институт педагогических измерений». URL: http://inostr-exam.fipi.ru/xmodules/qprint/index.php?theme_guid=E40D1967482C9352490AF2110B955050&proj_guid=8FFB3FDC1B9E9DB740E528C8E1058CF0 (дата обращения: 15.11.2022).

References

- Aleksandr Dugin: my dvigaemsya k postroeniyu gosudarstva Platona* [Alexander Dugin: We are moving towards building Plato's state]. 05.12.2016. URL: https://tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-my-dvigaemsja-k-postroeniju-gosudarstva-platona_37941 (accessed: 15.11.2022).
- Anikin, D. A. (2018). Prazdnik kak element kul'turnoi pamyati migratsionnogo soobshchestva [Holiday as an element of the cultural memory of the migration community]. *Studia Humanitatis*, 2. URL: www.st-hum.ru (accessed: 15.11.2022).

Dolgov, A. A. (2015). Osnovnye napravleniya i etapy issledovaniya migratsii naseleniya v otechestvennoi nauke [The main directions and stages of the study of population migration in Russian science]. *Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 2, 29–35.

Dom Druzhby narodov Tatarstana [House of Friendship of the Peoples of Tatarstan]. URL: <https://addnt.ru/house> (accessed: 15.11.2022).

Ekzamen dlya inostrannykh grazhdan. Istoriya. Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki. FGBNU Federal'nyi institut pedagogicheskikh izmerenii [Exam for foreign citizens. History. Federal Service for Supervision of Education and Science. FGBNU "Federal Institute of Pedagogical Measurements"]. URL: http://inostr-exam.fipi.ru/xmodules/qprint/index.php?theme_guid=E40D1967482C9352490AF2110B955050&proj_guid=8FFB3FDC1B9E9DB740E528C8E1058CF0 (accessed: 15.11.2022).

Linchenko, A. A. (2021). Migratsiya i migratsionnye soobshchestva v fokuse memory studies [Migration and migration communities in the focus of memory studies]. *Tempus et Memoria*, 2(2). URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/106476/1/tetm-2-2021-01.pdf> (accessed: 15.11.2022).

Makarova, G. I. (2018). Obraz Tatarstana i strategii ego brendirovaniya v predstavleniyakh i otsenkakh naseleniya regiona [The image of Tatarstan and its branding strategies in the perceptions and assessments of the population of the region]. *Regionologiya*, 26, 2, 338–357.

Malakhov, V. S. (2007). *Ponaekhali tut... Ocherki o natsionalizme, rasizme i kul'turnom plyuralizme* [Let's go here... Essays on nationalism, racism and cultural pluralism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Malakhov, V. S. (2015). *Integratsiya migrantov: kontseptsii i praktiki* [Integration of migrants: concepts and practices]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya".

Mikhail Khachatryan. "So vremen Volzhskoi Bulgarii armyane zdes' zhili i stroili" [Mikhail Khachatryan: "Since the time of Volga Bulgaria, Armenians have lived and built here"]. 06.04.2015. URL: <http://addnt.ru/mikhail-khachatryan-so-vremen-volzhskojj> (accessed: 15.11.2022).

Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya arмян Respubliki Tatarstan [National and Cultural Autonomy of Armenians of the Republic of Tatarstan]. URL: <https://arm.addnt.ru/history/> (accessed: 15.11.2022).

Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya gruzin goroda Kazani "Sioni" [National-cultural autonomy of Georgians of the city of Kazan "Sioni"]. URL: <http://grz.addnt.ru/o-gruzii/history/> (accessed: 15.11.2022).

Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya kazakhov Respubliki Tatarstan "Kazakhstan" [National-cultural autonomy of Kazakhs of the Republic of Tatarstan "Kazakhstan"]. URL: <https://kaz.addnt.ru/history/> (accessed: 15.11.2022).

Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya tadzhikov Respubliki Tatarstan [National and cultural autonomy of the Tajiks of the Republic of Tatarstan]. URL: <https://tgk.addnt.ru/history/> (accessed: 15.11.2022).

Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya uzbekov Respubliki Tatarstan [National and cultural autonomy of the Uzbeks of the Republic of Tatarstan]. URL: <https://uzb.addnt.ru/history/> (accessed: 15.11.2022).

Novosti migratsii v Rossii i mire segodnya [Migration news in Russia and the world today]. URL: <https://rg.ru/tema/obshestvo/socio/migranti/> (accessed: 15.11.2022).

Ovchinnikov, A. V. (2018) Kul'turnaya integratsiya migrantov: metodologicheskie aspekty dekonstruktsii diskursa [Cultural integration of migrants: methodological aspects of discourse deconstruction]. *Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noi Rossii*, 1(6), 82–90.

Ovchinnikov, A. V. (2020a). Simvolicheskiy predel frontira: "genofond naroda" i migratsii v proshlom i nastoyashchem [The symbolic limit of the frontier: the "gene pool of the people" in the past and present]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*, 2, 60–76.

Ovchinnikov, A. V. (2020b). "Russkii mir", "tatarskii mir" i "istoriya kryashen": istoricheskie sostavlyayushchie (neo)kolonial'nykh mifov v sovremennom Tatarstane ["The Russian World", "The Tatar World" and "the history of the Kryashens": the historical component of (neo)colonial myths in modern Tatarstan]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*, 9(95). URL: <https://history.jes.su/s207987840012219-9-1/> (accessed: 15.11.2022).

Ovchinnikov, A. V., Golovashina, O. V., Blaginin, V. S. (2020). Kul'turnaya pamyat' rossiyan v situatsii migratsionnykh vyzovov [Cultural memory of Russians in the situation of migration challenges]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 55, 196–202.

Polevye materialy A.V. Ovchinnikova za 2022 god [Field materials of Ovchinnikov A. V. for 2008] (lichnyy arhiv avtora).

ROO (Regional'naya obshchestvennaya organizatsiya) azerbaidzhantsev Respubliki Tatarstan [Regional Public Organization of Azerbaijanis of the Republic of Tatarstan]. URL: <http://azr.addnt.ru/history/> (accessed: 15.11.2022).

Russkoe natsional'no-kul'turnoe ob'edinenie Respubliki Tatarstan [Russian National and Cultural Association of the Republic of Tatarstan]. URL: <https://rus.addnt.ru/history/> (accessed: 15.11.2022).

Sagitova, L. V. (2011). Dom Druzhby Narodov kak ob'ekt i sub'ekt sotsial'nogo reformirovaniya: ot sovetsoi modeli k globalizatsionnoi? [The House of Friendship of Nations as an object and subject of social reform: from the Soviet model to the globalization model?]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, 9 (4), 495–512.

Shnirel'man, V. A. (2011). Porog tolerantnosti: Ideologiya i praktika novogo rasizma [The threshold of tolerance: Ideology and practice of the new racism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie ("Kubanskii pochini"), 2, 30–66.

V Bolgare sostoyalos' otkrytie armyanskoi svyatyni — khachkara [The opening of the Armenian shrine — khachkar took place in Bolgar]. 23.10.2022. URL: <http://spas-rt.ru/news/tema-dnya/v-bolgare-sostoyalos-otkrytie-armyanskoy-svyatynin> (accessed: 15.09.2022).

Сведения об авторах

Овчинников Александр Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Information about the authors

Aleksandr V. Ovchinnikov, Cand. Sci (History), Researcher at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

*Статья поступила в редакцию 15.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 05.12.2022*

*The article was submitted 15.11.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 05.12.2022*

Научная статья
УДК 94(44)“1812” + 94(470)“1812” + 94:159.953(44)
doi 10.15826/tetm.2022.3.037

Русская кампания в памяти Франции во второй половине XIX в.: между «памятью-победой» и «памятью-травмой»

Алена Александровна Постникова

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Alina33_07_87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9895-8780>

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс трансформации образа русской кампании Наполеона в исторической памяти французов во второй половине XIX в. Автор, проанализировав образ войны в пространстве исторической политики, искусства, периодической печати, исторической науки, пришла к выводу, что чрезмерное вмешательство государства в процесс конструирования прошлого приводит к разрушению «героических мифов». Так, с падением режима Второй империи в сознании общества поход в Россию стал восприниматься как результат роковой ошибки императора. В годы Третьей республики образ войны продолжал развиваться в общественном дискурсе, демонстрируя своего рода историческую закономерность, когда имперские амбиции неизбежно ведут нацию к трагедии.

Ключевые слова: историческая политика, французское общество, Вторая империя, война 1812 года, русская кампания Наполеона

Для цитирования: Постникова А. А. Русская кампания в памяти Франции во второй половине XIX в.: между «памятью-победой» и «памятью-травмой» // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 47–55. doi 10.15826/tetm.2022.3.037

Original article

Russian Campaign in the Memory of France in the Second Half of the XIX Century: between “Memory-Victory” and “Memory-Injury”

Alena A. Postnikova

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Alina33_07_87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9895-8780>

Abstract. This article examines the process of transforming the image of Napoleon’s Russian campaign in the historical memory of the French in the second half of the 19th century. The author, having analyzed the image of war in the space of historical politics, art, periodicals, historical science, came to the conclusion that excessive state intervention in the process of constructing the past leads to the destruction of “heroic myths.”

© Постникова А. А., 2022

So, with the fall of the regime of the Second Empire in the consciousness of society, a trip to Russia began to be perceived as the result of the fatal mistake of the emperor. During the years of the Third Republic, the image of war continued to develop in public discourse, demonstrating a kind of historical pattern when imperial ambitions inevitably lead the nation to tragedy.

Key words: historical politics, French society, Second Empire, war of 1812, Napoleon's Russian campaign

For citation: Postnikova, A. A. (2022). Russkaya kampaniya v pamyati Frantsii vo vtoroi polovine XIX v.: mezhdu "pamyat'yu-pobedoi" i "pamyat'yu-travmoi" [Russian Campaign in the Memory of France in the Second Half of the XIX Century: between "Memory-Victory" and "Memory-Injury"]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 47–55. doi 10.15826/tetm.2022.3.037

Русская кампания Наполеона до сих пор является важным элементом национальной памяти Франции, олицетворяя не только катастрофу, безысходность, но также героизм и самоотверженность. К образам русской кампании французы обращались в переломные моменты своей истории, подвергая эти образы трансформации и каждый раз возрождая их в каких-то обновленных вариациях. Претерпев моменты «забвения» и «вспоминания», образы этой войны «кристаллизовались» в памяти французов как символы победы и мужества соотечественников. Решающим периодом в формировании относительно единого образа и даже мифа о русской кампании во французском сознании стал XIX в. Бурные события, которые пережила Франция после падения Первой империи, способствовали обостренному восприятию прошлого и формированию представлений о драматических событиях русской кампании 1812 года.

На протяжении первой половины XIX в. применительно к формированию памяти о русской кампании боролись общественный и государственный дискурсы. Вторая половина века продемонстрировала совершенно иную коммеморативную практику. Император Наполеон III, возрождая память о героическом прошлом Франции, пытался подкрепить этим легитимность своего собственного режима. Однако в центре исторического дискурса теперь была не память о наполеоновской эпохе, но правящий сейчас император, «Наполеон маленький».

В любом случае установление режима Второй империи усилило интерес к наполеоновским войнам и русской кампании. В 1856 г. вышел 14-й том «Истории Консульства и Империи» Л. А. Тьера, посвященный 1812 году [Thiers]. Это была первая попытка после

Шамбре и Фэна представить «объективную» историю кампании.

Тьер, отметив польский вопрос в качестве основной причины войны, в то же время осудил поляков за проявление излишнего эгоизма в тех обстоятельствах: «Поляки, воодушевленные идеей свободы, всецело рассчитывали на Наполеона, поэтому выразили явное недовольство тем, что он, оставив их, пошел дальше, вглубь России» [Thiers, 185]. Обратившись к анализу сражения под Смоленском, историк отметил, что в условиях длительного ожидания боя французы восприняли эту битву как свою победу. Однако Бородино Тьер оценил как «неполную» победу французов, выразив сожаление в связи со значительными потерями в битве [Ibid., 348]. Обратившись к сюжетам оккупации Москвы, историк возложил ответственность за превращение города в руины на М. И. Кутузова [Ibid., 358]. А вот применительно к характеристике действий Наполеона в Москве автор проявил достаточную сдержанность.

Представляет интерес и описание Тьером событий на Березине как эпилога отступления Великой армии. Он упрекал Наполеона в том, что тот не смог объединить две армии в начале сражения. В свою очередь, действия русских в представлении Тьера выглядели в большей степени продуманными и последовательными. В итоге историк пришел к достаточно смелому выводу: «Чичагов и Витгенштейн уничтожили французскую армию» [Ibid., 685].

К достижениям историка следует отнести и тот факт, что он обратил внимание на действия дивизии генерала Л. Партуно: «Генерал Партуно перепутал дороги, оказался на более опасном пути» [Ibid., 684]. Прежние исследователи, не предлагая анализа причин сдачи дивизии, лишь подвергали критике действия самого генерала. Наконец, Тьер впервые

высказал мысль о том, что противник — русская армия — оказалась достойна доблести французов [Thiers, 681].

Казалось бы, все аргументы автора навели на мысль о поражении Великой армии. Однако, к удивлению читателей, Тьер не позволил себе перечеркнуть то, что уже стало неотъемлемой частью исторической памяти нации: «Мы испытали чувство действительного триумфа, триумфа кровавого и болезненного, это была самая великая победа в нашей истории» [Ibid., 701]. Тем самым Тьер, критикуя военно-оперативные действия Наполеона на Березине, в то же время закрепил в сознании общества образ этого сражения как «моральной победы» французов.

Подобный образ Березины продолжал фигурировать и во французской литературе. Писатель П. А. Понсон де Террайль создал в те годы беспрецедентное по своей реалистичности произведение «Трубач Березины», описывающее переправу французов [Ponson du Terrail 1967]. Перед читателем была развернута картина самоотверженной борьбы понтонеров, строивших мосты через реку. Понтонеры стояли по грудь в ледяной воде: они должны были погибнуть, но спасти армию и императора.

В связи с обострением отношений между Францией и Россией образ «русского варварства» на страницах публикаций стал активно актуализироваться. Тем более что в ходе начавшейся в 1853 г. Крымской войны две страны, как в былые годы, вновь стали противниками. Поэтому не случайно, что именно в ходе Крымской войны во французской печати и драматургии возрождается образ русского солдата как варвара, не имеющего ни малейшего представления, в отличие от французского воина, о морали и нравственности.

В эти годы театры Парижа многократно ставили пьесу, в основе текста которой оказались воспоминания солдат Великой армии 1812 г., негодовавших по поводу того, что «русские варвары» не дали Наполеону одержать победу [Les cosaques: drame en cinq actes]. Противопоставление цивилизации и благородства, воплотившихся в образах наполеоновских солдат, русскому варварству, носителями которого стали казаки, было характерной темой и для художественной литературы того периода [Le trompette de la Berezina].

Однако Крымская война, как ни странно, вызвала у некоторых публицистов совершенно иные аналогии с русской кампанией. Так, французский политический деятель, журналист П. Г. Касаньяк опубликовал статью, в которой подверг критике действия Наполеона I, решившегося на развязывание войны с Россией: «Император видел в этой авантуре возможность реализовать свои амбиции, удовлетворить свое тщеславие. Это была бессмысленная война, которая изначально не сулила никаких преимуществ для Франции» [Le Constitutionnel...].

Вполне очевидно, что подобные замечания относились и к Наполеону III. Однако, несмотря на все предостережения Касаньяка, исход Крымской войны оказался более благоприятным, чем русская кампания для Наполеона I. По всей видимости, после завершения Крымской войны образ «русского варварства» оказался более не востребованным и постепенно канул в Лету.

После успешного завершения войны Наполеон III, окончательно уверовав в свою политическую и военную гениальность, начинает более активно использовать образы Первой империи в обосновании легитимности собственной власти. Именно в этот период на страницах художественных произведений и периодической печати вновь появляются символы героических побед прошлого, убеждающих в вечности империи. Наполеон III, как правило, теперь предстает в образе «бога войны, вернувшего Франции Аустерлиц» [Ferrand; Belfort-Devaux; La Presse 1855; Chaubet].

В 1862 г. появляется национальный гимн Второй империи, слова которого были связаны с военными победами Наполеона I: «Европа знает наших солдат. Они прославили себя словами: Аустерлиц! Йена! Ваграм! Наполеон!» [Vive la France!]. Теперь Наполеон III использовал в реализации своей исторической политики память об Аустерлице как неоспоримую победу своего дяди, игнорируя при этом иные сюжеты прошлого.

Император попытался вернуть торжественную церемонию празднования Аустерлица, которая проводилась в годы Первой империи, рассчитывая использовать этот символ для объединения общества [Journal de Saint-Quentin]. Однако подобные политические демарши

не нашли поддержки в общественных кругах, и празднование Аустерлица постепенно стало праздником исключительно бонапартистов. Так, писательница Ж. Санд отметила в письме к принцу Жерому Наполеону в день очередной годовщины битвы: «Вот ваша победа, ваш праздник, объявленный в газетах, мой великий друг! Это прекрасное “солнце Аустерлица”!» [Sand — le Prince Napoléon]. Превратить праздник в массовое торжество по образцу Первой империи Наполеону III так и не удалось. Он свелся главным образом к параду курсантов военной школы Сен-Сир на Вандомской площади [La Presse 1864].

Применительно к русской кампании отдельные интеллектуалы под воздействием политической обстановки попытались вписать это событие в масштабное полотно всего героического прошлого Франции. Так, в поэме Ш. Шобе была представлена битва при Москве: «Еще одна такая победа, и мы увидим эту эпоху, где в мире есть только два великих правителя» [Chaubet].

Несмотря на все усилия, попытки использовать русскую кампанию для героизации образа Наполеона III не нашли поддержки в интеллектуальной среде. В 1866 г. А. Ассолан издал сборник иллюстраций, посвященных 1812 году [Assolant]. В предисловии автор отметил катастрофичность этой войны: «Русская кампания — самый ужасный пример войн империи. Великая армия погибла там почти целиком от страданий и усталости. Те, кто вернулся во Францию, были лишь тенью той героической армии» [Ibid., 3]. Подобные размышления разделял и писатель Ш. Рабуль, явно намекая на тщеславие Наполеона III: «Французские солдаты стали жертвами кампании-катастрофы в России, которая была начата в интересах только одного человека» [Rabou].

Оппозиция режиму Второй империи, со своей стороны тоже активно используя образы наполеоновской эпохи, постаралась предложить свой ответ целенаправленной исторической политике императора. Одним из ярких представителей оппозиционных кругов был журналист Л. Вейо, который в своем произведении «Ватерлоо» пытался провести параллели между Первой и Второй империями: «Изначально речь шла о создании Европы для сохранения мира, но жажда власти приводит

к деспотизму и разрушениям. Мы должны извлечь уроки из Ватерлоо, остановить это военное варварство» [Veillot].

Спустя десять лет после Седанской катастрофы слова Л. Вейо стали восприниматься как пророческие: «Франция в очередной раз окажется побежденной во втором Ватерлоо, более катастрофическом, чем первое, побежденной теми же врагами» [Ibid.]. «Ватерлоо всегда угрожает Империи», — предрек конец имперским устремлениям Наполеона III публицист республиканец Л. Лабарр [Labarre]. «Память о Ватерлоо намекает каждому правителю об уязвимости любой власти», — отметила газета «Ле Пети Журналь» [Le Petit journal 1863].

Так, в годы Второй империи образы наполеоновской эпохи оказались в центре борьбы правительственных и оппозиционных кругов, а их интерпретации стали чрезвычайно противоречивыми. Новая волна актуализации героических сюжетов прошлого и пропаганды милитаризма пришлось на начало Франко-прусской войны. В одной из газет, к примеру, можно было прочесть следующее: «Всемогущая Французская империя, стремящаяся к завоеванию... С Наполеоном III мы вернемся в эпоху Аустерлица и Ваграма» [Le Courrier du Gard]. Более того, даже ярые противники режима Второй империи Э. Эркман и Ш. Шатриан в своем романе «Ватерлоо» стали призывать к верности императору: «Для всех честных французов тогда пришел час победить или умереть! Это зрелище возбуждало наш дух. Император словно вдохнул в нас свой боевой дух, и мы были готовы истребить всех» [Erckmann-Chatrian].

Однако после Седанской катастрофы, унижительной для Франции, никаких аллюзий с наполеоновской эпохой во французском обществе уже не появлялось. Седан невозможно было оправдать, даже вспоминая Березину или Ватерлоо, сражения, в которых армия смогла, несмотря ни на что, сохранить свою честь. Империя для французов осталась в прошлом, а история перестала выполнять терапевтическую функцию. «Наполеон» на Вандомской колонне снова проходит через падение.

В целом в годы Второй империи, несмотря на заметную идеализацию Наполеона I и Великой армии, память о русской кампании продолжала развиваться в контексте общественного

дискурса, объединяя противоречивые интерпретации тех событий. Ко всему прочему следует отметить, что в исторической науке этого периода вновь была сделана попытка подвергнуть сомнению некоторые чрезмерно героизированные результаты сражений.

Опыт Второй империи продемонстрировал, что попытки слияния истории с политическим культом правителя приводили не к сохранению, а к разрушению героических мифов. Поэтому не случайно деятели появившейся на руинах Второй империи Третьей республики оказались весьма осторожными в трактовке событий прошлого. Седанская катастрофа заметно актуализировала те размышления, которые уже зародились в общественном сознании в эпоху Наполеона III.

На страницах работ историков, писателей и публицистов стала появляться идея о том, что политика имперскости и милитаризма закономерно приводит к трагическому концу. Так, в комментариях к мемуарам французского офицера Л. М. де Трашана Лаверна (служил в России еще при Екатерине II), вышедшим в 1879 г., говорилось, что русская кампания стала расплатой за «солнце Аустерлица» [Tranchant de Laverne].

В периодической печати любое упоминание о победах Наполеона теперь связывалось с печальным падением либо Наполеона I, либо Наполеона III [L'Intransigeant]. «Не стоит рассматривать славу Аустерлица без прощания в Фонтенбло», — писала газета «Ле Пеи» в эти годы [Le Pays].

Одним из первых критически оценил деятельность Наполеона I в те годы историк П. Ланфре, еще в 1867 г. приступивший к своему масштабному труду, посвященному истории Наполеона I [Lanfrey]. Очевидно, что его взгляды на эту эпоху были сформированы еще в годы Второй империи. Возможно, бесславное завершение истории режима Наполеона III еще более усилило критическую оценку Ланфре правления двух императоров.

Во введении к труду автор с грустью обратил внимание на некую закономерность, связанную с тем, что имперские амбиции регулярно приводят Францию к трагедии. Исходя из этой установки, он вновь подверг сомнению факт победы Наполеона в сражениях кампании 1812 г. И все же, вслед

за предшествующими авторами историк воспроизвел сюжеты героического отступления французских солдат.

В дальнейшем историки, признавая факт того, что войны Наполеона стали бедствием для народа, все-таки не последовали за общими политическими настроениями, сосредоточив свое внимание на внутренней политике императора [Canton; Masson]. В частности, Ж. Диез акцентировал внимание на значимых административных реформах, проведенных в годы Первой империи, отметив, что считает необоснованным отказываться от этой страницы прошлого Франции: «Мы решительно отбрасываем любые обвинения, направленные на то, чтобы превратить нашу работу в очередную критику Наполеона. Необходимо признать, что это был значимый этап в развитии Франции» [Diez]. Обратившись к русской кампании, он связал ее печальные результаты не с действиями Наполеона, а с некой исторической закономерностью: «Можно ли было ожидать, что за победой при Маренго последует безумный 1812 год? Да, мы должны были это предвидеть. Напоминаем, что любое проявление силы может повлечь за собой безумные действия» [Ibid., 157].

Тем не менее образ русской кампании этого периода ассоциировался не только с провалами Наполеона, но был вместе с тем и образцом проявления достоинства и чести французского солдата. Авторы искали примеры подобного в сюжетах отступления Великой армии. В 1870-е гг. выходит роман Ю. Булабера «Женщина-бандит», ориентированный на широкий круг читателей. Писатель обратился к описанию переправы через Березину и к судьбам людей, прошедших через эту «ужасную эпоху» [Boulabert].

В центре повествования оказалась судьба молодой женщины, последовавшей за своим мужем в Россию. Вместе они дошли до Березины, которая стала роковым рубежом для судьбы супружеской пары. Во время паники на переправе они потеряли друг друга. Женщина находилась в неведении о судьбе мужа, «солдаты не могли признаться ей, что уже три дня он не появлялся. В последний раз его видели раненым на лошади» [Ibid., 2]. Автор попытался убедить читающую публику, что, несмотря на тяжелейшие условия отступления из России, французы сохранили готовность

помочь друг другу и оставались преданными своему императору.

В этот период и французские газеты часто обращались к образу отступления как к героическому сюжету французской истории [Le Pays 1896]. К примеру, во французской газете «Ле Тан» без воспроизведения подробностей военных действий было отмечено: «Переход через Березину остается победой в нашей памяти» [Le Temps 1887]. Вместе с тем на страницах периодической печати этого времени появлялись и потрясавшие воображение картины переправы: «Тот, кто испытал ужасные страдания, вызванные переходом через Березину, позже задавался вопросом, не было ли это сном?» [Le Temps 1890].

Подобные публикации закрепляли в сознании французов образ русской кампании как трагедии, но в то же время и моральной победы. Так, в ситуации, когда произошел отказ от героизации в интерпретации событий 1812 года, стал наблюдаться интерес к истории обычного солдата. В конце XIX в. выходит внушительное количество публикаций мемуаров, писем и военно-оперативных документов. Журнал «Карнет де Ла Сабреташ» усиленно публикует многочисленные мемуары участников войны 1812 года, в которых образ кампании предстал в двойной ипостаси — и как олицетворение военных жертв, и как символ самоотверженности французского солдата [Pele]. В эти годы военный архивист Ж. Г. А. Фабри публикует тома военно-оперативных документов, посвященных русской кампании [Fabry].

Благодаря этим публикациям образ русской кампании в преддверии очередного мирового конфликта стал использоваться для пропаганды антимиитаризма, как воплощение жертв, принесенных на алтарь имперских амбиций. Подобные тенденции наблюдались и применительно к еще одной трагедии наполеоновской эпохи — Ватерлоо. Так, в 1904 г. на поле Ватерлоо благодаря усилиям общественной организации «Сабреташ» появился первый французский памятник. Он был воздвигнут на месте последнего карае 1-го полка пеших егерей императорской гвардии, в центре которого был знаменитый Камбронн, произнесший, согласно легенде, не менее знаменитые слова в ответ на предложение сдаться.

Во время открытия этого памятника, получившего название «Орел Ватерлоо» или «Раненый орел», французский художник-баталист Эдуард Детайль заявил, что монумент стал воплощением памяти и храбрости солдат Первой республики и Империи, солдат, которые храбро сражались «за свободу и славу, воплотившиеся в идее родины» [Martin]. В связи с установлением памятника во французской газете появилась антимиитаристская заметка: «Ватерлоо всегда напоминает миру о том, что дух стремления к покорению других народов должен угаснуть. Наполеон был уверен в своей победе, и это привело его к роковой ошибке» [Le Petit journal 1894].

В свою очередь, «патриоты», заинтересованные в реванше, использовали иные события наполеоновской эпохи, вспоминая о героическом прошлом. Так, антиподом русской кампании и Ватерлоо стал Аустерлиц. «На следующий день после Аустерлица Наполеон сказал солдатам: “Солдаты! Вам будет достаточно сказать: я был в битве при Аустерлице, и народ ответит: вот, храбрый!”». Такую заметку о героической победе французского оружия при Аустерлице опубликовала газета «Ле Пей» [Le Pays. Journal des volontés de la France].

На фоне перемен в государственной политике появляется группа французских писателей, которые начинают восхвалять политику империализма. Одним из ярких представителей этой группы был писатель Поль Адан. Наполеоновская эпоха стала центральным сюжетом его творчества. Перу писателя принадлежит роман «Ребенок Аустерлица», основная идея которого сводилась к тому, что французы, потомки великих солдат Наполеона, должны помнить свое прошлое и продолжить череду военных побед [Adam].

Перед Первой мировой войной многие французские историки, подобно беллетристам, обращаясь к наполеоновской эпохе, также начали взывать к чувству патриотизма [Lumet; Gloires et légendes; Béchet; Lanzac de Laborie]. Однако русская кампания не обрела центрального места среди побед Первой империи в этих изданиях. Авторы активно продолжали использовать, прежде всего в патриотических целях, память об Аустерлице. «Молодые люди, не стоит бояться смерти, как ее не боялись наши храбрые предки на поле битвы при

Аустерлице», — обращался историк А. Уссе к будущим солдатам Великой войны [Houssaye]. Французское общество вновь накрыла волна патриотических настроений, тесно переплетенных с идеей реваншизма.

Воспоминания о событиях войны 1812 года, которую в итоге французы проиграли, не затрагивали интересы России, союзника по «Антанте». Во французских патриотических публикациях образ врага отсутствовал. Тем не менее использование образов наполеоновской эпохи преследовало лишь одну цель — объединить французское общество. Целей укрепления союзнических связей эта тенденция не преследовала. В связи с этим русско-французское сближение рубежа веков лишь частично повлияло на интерпретацию событий войны 1812 года.

Зримым воплощением «корректировки» памяти о русской кампании стало участие французской делегации в торжествах по случаю 100-летия войны 1812 года, которые прошли в России [SHD. 1M 2360]. Архивные материалы, отразившие детали этого визита французских делегаций, наряду с обширной делопроизводственной документацией содержат ряд важных отчетов — консула Франции в Москве Ш. М. С. де Валикура [Ibid.], главы французской военной миссии дивизионного генерала Ф. Л. А. М. де Лангля де Кари [Ibid.], военного атташе Франции в Санкт-Петербурге полковника Маттона [Ibid.].

Французское правительство решило отметить 100-летнюю годовщину русского похода установлением памятников павшим солдатам армии Наполеона во многом под влиянием общественных настроений. Правительство вынуждено было прислушаться к голосу таких влиятельных неправительственных организаций, связанных с изучением военной истории, как «Французская память» и «Сабреташ».

Французская делегация с целью укрепления русско-французских отношений стремилась «сдержать свои национальные патриотические чувства», продемонстрировав лояльное отношение к бывшему противнику. Подводя итоги юбилейным мероприятиям, Лангль де Кари написал в своем отчете: «Следует отметить, что миссия была объектом внимания в высшей степени предупредительного и в то же время лестного; очевидно, что император, министры, члены их

фамилий, высокие гражданские и военные власти не уставали в ходе всех церемоний демонстрировать это перед представителями Франции, размещая нас в первых рядах; множество раз Его величество выражал свое удовольствие видеть официальных представителей правительства республики. Со своей стороны я убежден, что присутствие миссии придавало празднованию Столетия по большей части особый характер в том смысле, что все действия и все слова тщательно взвешивались или были нацелены на то, чтобы не дать нашей нации, сегодня дружественной и союзной России, какой-нибудь повод вызвать законное раздражение» [SHD. 1M 2360]. Очевидно, что празднование юбилея Бородинского сражения стало чуть ли не единственным заметным проявлением воздействия внешнеполитического фактора на интерпретацию событий русской кампании.

Таким образом, в эпоху Второй империи наблюдалась попытка «переформатировать» образ войны 1812 года в плане абсолютизации победы Наполеона, а русским придать черты варварского противника. Однако официальным кругам не удалось вписать это событие в рамки исторической политики по образцу памяти об Аустерлице. Образ русской кампании становится орудием в руках оппозиционных режиму Наполеона III сил. В сознании общества поход в Россию воспринимается как результат роковой ошибки императора и одновременно как воплощение «моральной победы» французского солдата.

Подобные эмоционально окрашенные идеи публицистов и писателей были подкреплены научным обоснованием в труде Тьера. При этом представления о русской кампании в годы Второй империи развивались под влиянием оппозиции, которая подобным образом ответила на историческую политику Наполеона III.

В годы Третьей республики образ войны продолжал развиваться в общественном дискурсе, демонстрируя своего рода историческую закономерность, когда имперские амбиции неизбежно ведут нацию к трагедии. Действительно, в эти годы в образе русской кампании объединились элементы, сформировавшиеся в предыдущие эпохи, — восприятие поражения как расплаты за имперскую политику, тезис о «победе в опасности» и память о войне как урок антимиитаризма.

Было еще одно значимое изменение: вытеснение героической политики Наполеона I из национальной памяти способствовало проявлению интереса к истории обычного солдата при описании событий войны, что, в свою очередь, стимулировало

публикацию документов личного происхождения. Однако этот процесс имел и обратную сторону: интерпретация событий кампании стала развиваться в пользу эмоциональной составляющей, но не в плане их научного осмысления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Adam P.* L'enfant d'Austerlitz. P., 1902.
Assolant A. Campagne de Russie. P., 1866.
Béchet M. Historique sommaire du 11e régiment de hussards. P., 1913.
Belfort-Devaux P. Le canon d'Austerlitz: discours idéal d'ouverture. P., 1865.
Boulabert J. La femme bandit. P., 1875.
Canton G. Napoléon antimilitariste: étude d'histoire contemporaine. P., 1902.
Chaubet Ch. Napoléon après la bataille de la Moskowa. P., 1861.
Diez J. Des caractères sociaux de l'influence de Napoléon I. P., 1909.
Erckmann-Chatrian. Waterloo, suite du Conscrit de 1813. P., 1865.
Fabry G. Campagne de Russie (1812). P., 1900–1903. T. 1–5.
Ferrand J. Napoléon III. P., 1853.
 Gloires et légendes: histoire militaire de la France racontée par ses drapeaux: de 1792 à nos jours. P., 1911.
Houssaye H. Napoléon, homme de guerre. P., 1904.
 Journal de Saint-Quentin. 1852.
 La Presse. 1855. 28 febr.
 La Presse. 1864. 28 febr.
Labarre L. Waterloo: seconde partie et fin de "Napoléon III et la Belgique". P., 1860.
Lanfrey P. Histoire de Napoléon I. 2-ème éd. P., 1875.
Lanzac de Laborie L. La colonne de la Grande-Armée, "colonne Vendôme". P., 1915.
 Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1854. 15 mars.
 Le Courrier du Gard. Journal politique, administratif et judiciaire. 1861. 15 june.
 Le Pays. 1896. 09 oct.
 Le Pays. Journal des volontés de la France. 1901. 18 nov.
 Le Pays: journal des volontés de la France. 1901. 18 nov.
 Le Petit journal. P., 1863.
 Le Petit journal. P., 1894.
 Le Temps. 1887. Oct.
 Le Temps. 1890. Nov.
 Le trompette de la Berezina. P., 1967.
 Les cosaques: drame en cinq actes. P., 1853.
 L'Intransigeant. 1885. 23 sept.
Lumet L. Napoléon I-er, empereur des Français. P., 1908.
 L'Univers. 1896. 09 juill.
Martin E. L'inauguration du monument français de Waterloo // Carnet de la Sabretache. 1904. Juin.
Masson F. Napoléon chez lui : la journée de l'empereur aux Tuileries. P., 1894.
Pele. Le combat de Krasnoe et la retraite de Ney // Carnet de la sabretache. 1906. Sér 2. N° 157.
Ponson du Terrail A. Cosaques à Paris. P., 1867.
Ponson du Terrail A. Le trompette de la Berezina. P., 1967.
Rabou Ch. La Grand Armée. P., 1860.
Sand — le Prince Napoléon (Jerome), 1865 // Les oeuvres Choisies de George Sand. P., 2018.
 Service Historique de la Defense (SHD). 1M 2360.
Thiers L. A. Histoire du consulat et de l'empire. P., 1862.
Tranchant de Laverne L. M. Relation de la bataille d'Austerlitz gagnée le 2 décembre 1805 par Napoléon contre les Russes et les Autrichiens sous les ordres de leurs souverains. P., 1879.
Veillot L. Waterloo. P., 1861.
 Vive la France! Hymne national. 1862. URL : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54254933/f5.image.r=La%20guerre%20de%20Crimée%20Austerlitz> (accessed: 01.11.2022).

References

- Adam, P. (1902). *L'enfant d'Austerlitz*. P.
- Assolant, A. (1866). *Campagne de Russie*. P.
- Béchet, M. (1913). *Historique sommaire du 11e régiment de hussards*. P.
- Belfort-Devaux, P. (1865). *Le canon d'Austerlitz: discours idéal d'ouverture*. P.
- Boulabert, J. (1875). *La femme bandit*. P.
- Canton, G. (1902). *Napoléon antimilitariste: étude d'histoire contemporaine*. P.
- Chapuis, F. (1853). *Bataille de la Moskowa. Bibliothèque historique et militaire*. P. 7.
- Chaubet, Ch. (1861). *Napoléon après la bataille de la Moskowa*. P.
- Diez, J. (1909). *Des caractères sociaux de l'influence de Napoléon I*. P.
- Erckmann-Chatrion (1865). *Waterloo, suite du Conscrit de 1813*. P.
- Fabry, G. (1900–1903). *Campagne de Russie (1812)*. P. 1–5.
- Ferrand, J. (1853). *Napoléon III*. P.
- Gloires et légendes: *histoire militaire de la France racontée par ses drapeaux: de 1792 à nos jours (1911)*. P.
- Houssaye, H. (1904). *Napoléon, homme de guerre*. P.
- Journal de Saint-Quentin (1852)*.
- La Presse (1855)*. 28 febr.
- La Presse (1864)*. 28 febr.
- Labarre, L. (1860). *Waterloo: seconde partie et fin de «Napoléon III et la Belgique»*. P.
- Lanfrey, P. (1875). *Histoire de Napoléon I*. 2-ème éd. P.
- Lanzac de Laborie, L. (1915). *La colonne de la Grande-Armée, «colonne Vendôme»*. P.
- Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire (1854)*. 15 mars.
- Le Courrier du Gard. Journal politique, administratif et judiciaire (1861)*. 15 june.
- Le Pays (1896)*. 09 oct.
- Le Pays. Journal des volontés de la France (1901)*. 18 nov.
- Le Pays: journal des volontés de la France (1901)*. 18 nov.
- Le Petit journal (1894)*. P.
- Le Temps (1887)*. Oct.
- Le Temps (1890)*. Nov.
- Le trompette de la Berezina*. P., 1967.
- Les cosaques: drame en cinq actes. (1853)*. P.
- L'Intransigeant (1885)*. 23 sept.
- Lumet, L. (1908). *Napoléon I-er, empereur des Français*. P.
- L'Univers (1896)*. 09 juill.
- Martin, E. (1904). *L'inauguration du monument français de Waterloo. Carnet de la Sabretache*. Juin.
- Masson, F. (1894). *Napoléon chez lui : la journée de l'empereur aux Tuileries*. P.
- Napoléon contre les Russes et les Autrichiens sous les ordres de leurs souverains (1879)*. P.
- Pele (1906). *Le combat de Krasnoe et la retraite de Ney. Carnet de la sabretache. Sér 2*. 157.
- Ponson du Terrail, A. (1867). *Cosaques à Paris*. P.
- Ponson du Terrail, A. (1967). *Le trompette de la Berezina*. P.
- Rabou, Ch. (1860). *La Grand Armée*. P.
- Sand — le Prince Napoléon (Jerome), 1865 (2018). *Les oeuvres Choisies de George Sand*. P.
- Service Historique de la Defense (SHD)*. 1M 2360.
- Thiers, L. A. (1862). *Histoire du consulat et de l'empire*. P.
- Tranchant de Laverne, L. M. (1879). *Relation de la bataille d'Austerlitz gagnée le 2 décembre 1805 par Napoléon contre les Russes et les Autrichiens sous les ordres de leurs souverains*. P.
- Veillot, L. (1861). *Waterloo*. P.
- Vive la France! Hymne national. 1862*. URL : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54254933/f5.image.r=La%20guerre%20de%20Crimée%20Austerlitz> (accessed: 01.11.2022).

Сведения об авторе

Постникова Алена Александровна, доктор исторических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Россия.

Information about the author

Alena A. Postnikova, Doct. Sci. (History), Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022;
одобрена после рецензирования 15.12.2022;
принята к публикации 15.12.2022

The article was submitted 01.12.2022;
approved after reviewing 15.12.2022;
accepted for publication 15.12.2022

Научная статья

УДК 271.2 + 316.7 + 327.3 + 94:159.953(470) + 355.4(09)

doi 10.15826/tetm.2022.3.038

Военные коммеморации Русской православной церкви как механизм конструирования гражданской религии в современной России

Роман Юрьевич Батищев

Саратовский государственный университет, Саратов, Россия

romanbatishhev@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7820-8835>

Аннотация. В статье рассматриваются военные коммеморации и мемориальные практики Русской православной церкви в контексте формирования гражданской религии в современной России. Подчеркивается, что отношения армии и церкви в наибольшей степени институционализированы, в том числе по вопросам политики памяти. Рассматриваются факторы, обуславливающие центральное место образов войны в исторических репрезентациях, в том числе религиозных акторов. Выделяется основная специфика представления войн прошлого в рамках религиозного дискурса.

Ключевые слова: гражданская религия, Русская православная церковь, военные коммеморации, политика памяти, военная история

Для цитирования: Батищев Р. Ю. Военные коммеморации Русской православной церкви как механизм конструирования гражданской религии в современной России // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 56–60. doi 10.15826/tetm.2022.3.038

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00535 «Гражданская религия в современной России: мемориальные практики и особенности теологического дискурса», <https://rscf.ru/project/22-28-00535/>.

Original article

War Commemorations of Russian Orthodox Church as the Mechanism to Construct Civil Religion in Modern Russia

Roman Yu. Batishchev

Saratov State University, Saratov, Russia

romanbatishhev@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7820-8835>

Abstract. The article considers war commemorations and memorial practices of the Russian Orthodox Church in the context of the formation of civil religion in contemporary Russia. It is emphasized that the relations between the army and the church are the most institutionalized, including those concerning the politics of memory.

© Батищев Р. Ю., 2022

The factors which determine the centrality of images of war in historical representations, including religious actors, are considered. The main specificity of the representation of the wars of the past within the framework of religious discourse is highlighted.

Keywords: civil religion, Russian Orthodox Church, war commemorations, politics of memory, military history

For citation: Batishchev, R. Yu. (2022). Voennye kommemoratsii Russkoi pravoslavnoi tserkvi kak mekhanizm konstruirovaniya grazhdanskoi religii v sovremennoi Rossii [War Commemorations of Russian Orthodox Church as the Mechanism to Construct Civil Religion in Modern Russia]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 56–60. doi 10.15826/tetm.2022.3.038

Acknowledgments: the study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-28-00535 «Civil religion in modern Russia: mnemonic practices and features of theological discourse», <https://rscf.ru/project/22-28-00535/>.

Рассматривая вопрос о конструировании гражданской религии в современной России, необходимо обратить внимание на мемориальную повестку собственно религиозных акторов, поскольку, с одной стороны, гражданская религия остается особой формой религиозности, с другой — для решения актуальных задач консолидации общества обращается к прошлому, к тем или иным историческим сюжетам, способным выполнять консолидирующую функцию, поддерживать гражданскую идентичность. В этой связи мемориальные практики религиозных акторов способны выступать источниками для формирования и гражданской религии.

Взаимопроникновение государственного и религиозного (православного) мемориальных дискурсов часто носит не только разовый характер, как, к примеру, заимствование религиозного праздника Дня Казанской иконы Богородицы и превращение его в государственный праздник День народного единства 4 ноября. Такие взаимодействия могут иметь и институциональную основу. Примером институциональных взаимодействий государственных и религиозных организаций, в том числе по вопросам политики памяти, является совместная деятельность Вооруженных сил РФ и Русской православной церкви. Министерство обороны РФ первым среди российских органов власти в 1990-е гг. пошло на формальное оформление своих взаимоотношений с церковью: в 1994 г. Министерство обороны приняло совместное заявление о принципах сотрудничества с РПЦ. Затем в аппарате министерства появились офицеры, ответственные за взаимодействие с религиозными организациями, а с 2009 г. восстановлен институт военного

духовенства. Исследователь С. П. Донцев отмечает, что «армия в ходе таких взаимодействий может решать задачи морально-этического обоснования необходимости службы в вооруженных силах, а трансляция ценностей с отсылкой к историческим примерам их применения может также формировать у призывников чувство патриотизма» [Донцев, 97]. Институциональная основа соглашений армии и церкви также проистекает из законодательно закрепленных за Министерством обороны функций, таких как «повышение в обществе авторитета и престижа военной службы, сохранение и приумножение патриотических традиций, организация в этих целях военно-исторической, культурной работы <...> т. е. действий, связанных во многом с проблематикой политики памяти» [Там же, 97–98].

Кроме того, общий тренд на возвращение исторического опыта взаимодействий этих двух институтов проистекает также из существовавшей до революции традиции военных коммемораций в Русской православной церкви, таких, как, к примеру, установка часовен на местах сражений русской армии. Как пишет историк Ю. А. Жердева, захоронения русских солдат «чаще всего имели религиозную маркировку, представлявшую собой крест над братской могилой павших воинов, часовню или храм-усыпальницу. В местах массовых захоронений или особо значимых побед возводились храмы-памятники» [Жердева, 93] (например, на территории Германии — в память о событиях Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг., на территории Болгарии и Турции — в память о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.). Открытие в 2020 г. Главного храма Вооруженных сил Российской

Федерации, наполненного символикой Победы в Великой Отечественной войне [Аникин], стало продолжением традиции возведения храмов в честь крупных побед русского воинства (Храм Покрова на Рву в честь взятия Казани в 1552 г., Храм Христа Спасителя в честь победы в Отечественной войне 1812 г.).

Центральная роль образов военного прошлого в транслируемых государством консолидирующих нарративах, формирующих гражданскую религию, также обусловлена рядом причин.

Во-первых, военные события всегда оставляют сильнейший эмоциональный отпечаток в историческом сознании, это, безусловно, одно из самых ярких событий в памяти целых поколений. Тот или иной выход эмоциональному заряду памятных событий может быть найден как раз в форме определенной политики памяти и выработанных внутри нее коммеморативных практик (например, сложившейся модели ветеранства участников войны [Николаи, Кобылин] или целой гражданской религии, где фундаментом выступает память о той или иной войне [Тесля]). Эмоциональная насыщенность памяти о войнах позволяет как конструировать культурную травму [Cultural Trauma] и народную скорбь [Winter], так и мобилизовывать, идеологизировать и политизировать широкие массы [Mouffe].

Во-вторых, военные события прошлого всегда сопряжены с трагедиями, преступлениями и человеческими жертвами, что, в свою очередь, перед некоторыми политическими акторами ставит ребром вопросы об ответственности за принесенные жертвы и о легитимации проводимой политики, самого политического статуса ответственных акторов.

В-третьих, определенные исторические репрезентации о войнах прошлого часто имеют претензии на обоснование изменений существующего политического порядка. Кроме того, часто само формирование тех или иных политических акторов, например новых политико-территориальных образований, идет параллельно с транслированием определенной политики памяти. Причем такая ситуация характерна и для формирования европейских политических наций эпохи Модерна [Moss], и для современных политических процессов [Воронович].

Значимость образов военного прошлого для политики памяти определяет и обостренную борьбу за ограниченный символический капитал, образуемый памятью об этих событиях, тем самым в эту борьбу оказывается вовлечено большое количество акторов политики памяти. Присутствие религиозных акторов в этой борьбе характеризуется следующими аспектами.

Во-первых, Русская православная церковь в этой конкуренции располагает своими специфически религиозными механизмами коммеморации, такими, как, например, институт канонизации [Батищев, Беляев, Линченко]. Причем эти канонизации, как инструмент военной коммеморации, могут отсылать не только к далекому и в целом «компромиссному» для российского общества прошлому (Александр Невский, Дмитрий Донской, Александр Пересвет, Ф. Ф. Ушаков), но и касаться событий, которые общество помнит в формате живой, коммуникативной памяти. Примерами последнего можно назвать сложившийся православный культ вокруг казненного чеченскими боевиками российского солдата Евгения Родионова [Там же, 10], дискуссии о канонизации моряков подводной лодки «Курск» и ежегодное активное участие мурманской епархии в памятных мероприятиях [Разумова].

Во-вторых, религиозные сообщества в ряде случаев способны дать более ясную и внятную интерпретацию того или иного военного события прошлого, в отличие от государства. Религиозный дискурс способен генерировать «спектр вариантов объяснения ее (войны. — Р. Б.) причин и значения» в рамках того или иного религиозного сообщества [Аникин, 7], а также определенные коммеморативные практики. Этот фактор способствует активному присутствию религиозных сюжетов в военных коммеморациях современных войн, относительно которых государство не имеет четкой оценочной позиции [Рождественская, Семенова].

К слову, формат военных коммемораций, когда сложный идеологический контекст современных войн деполитизируется, причины и последствия этих войн также остаются в стороне, а акцент делается на мужестве и доблести военных (причем на преемственности этих качеств от воинов прошлого),

очень востребован и для государства вообще, и для конструирования гражданской религии в частности. В рамках гражданской религии неперенная доблесть военнотружущих как цвета нации, как выразителей лучших качеств гражданина и патриота является одним из краеугольных камней.

В-третьих, реализация той или иной политики памяти подчас оказывается более эффективной в том случае, когда актер открыто не заявляет о проведении какой-либо «политики» или «стратегии». Здесь справедливо наблюдение Р. Мертона о том, что «политическая машина», действующая неформально и выполняющая латентные функции социальных акторов, действует более успешно, чем выполняющая те же политические задачи официальная государственная бюрократия, занимающаяся явными функциями. Действие такой «политической машины» можно наблюдать на примере исторического парка «Россия — моя история», за организацией ее (опять же открыто не позиционируя это) стоят, как их характеризует М. Ларюэль, наиболее радикальные группы церкви, которые «идут по пути завоевания рынка исторической политики» [Ларюэль, 26]. При этом проект получил поддержку Администрации Президента, Ростуризма, Министерства образования и науки. Тем самым «политическая машина» РПЦ, организованная сетевым образом с государственными структурами, успешно реализует стратегию политики

памяти. Д. А. Аникин в этой связи отмечает, что религиозный актер «может преследовать собственные цели, которые можно даже назвать политическими, но будет позиционировать их в качестве целей (неполитических. — Р. Б.) той институции, с которой себя данное сообщество отождествляет» [Аникин, 5], избегая сложностей, связанных с официальным декларированием политических целей.

Таким образом, в современной России Русская православная церковь является влиятельным актором политики памяти. По вопросам военных коммемораций интересы государства и церкви в целом совпадают, более того, именно армия является одной из наиболее институционально связанных с церковью частей государственного аппарата. Государство может перехватывать мемориальную повестку церкви, в то время как церковь активно участвует в борьбе за символический капитал, сложившийся вокруг значимых для России событий военного прошлого, продвигает свой нарратив специфически религиозными средствами (институт канонизации, религиозный дискурс с метафизической трактовкой войн и героизма, реализация своих латентных функций). Нацеленность церкви на консолидацию и компромисс, обращенность к прошлому, традициям и патриотизму делает военные коммеморации Русской православной церкви потенциальным источником для формирования гражданской религии.

Список источников

- Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. 2020. № 1.
- Батищев Р. Ю., Беляев Е. В., Линченко А. А. Русская православная церковь как актер современной политики памяти: дискурс канонизации // *Studia Humanitatis*. 2018. № 1.
- Воронович А. А. Интернационалистский сепаратизм и историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса // *Методологические вопросы изучения политики памяти* : сб. науч. тр. М. : О-во с ограничен. ответственностью «Нестор-История», 2018. С. 127–143.
- Донцев С. П. Политика памяти в контексте институциональных взаимодействий Русской православной церкви и государства в современной России // *Политическая наука*. 2018. № 3. С. 110–128. doi: 10.31249/poln/2018.03.05
- Жердева Ю. А. Российские военные коммеморации в поздней Османской империи (1878–1918): политическая практика и культурный миф // *Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем* : сб. ст. и тез. докл. Международ. науч. конф. Тамбов, 2015. С. 92–98.
- Ларюэль М. Столетие 1917 в России: Двойственная историческая политика государства и захват исторического рынка церковью // *Историческая экспертиза*. 2019. № 1. С. 13–38.
- Николаи Ф. В., Кобылин И. И. Американские trauma studies и пределы их транзитивности в России // *Логос: философ.-лит. журн.* 2017. № 5(120). С. 115–136.
- Разумова И. А. Деятельность Русской православной церкви по увековечиванию памяти погибших моряков «Курска» // *Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та*. 2016. № 5(158). С. 7–12.

Рождественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // INTER. 2011. № 6. С. 32–33.

Тесля А. А. Как менялась память о Второй мировой войне // Эксперт. 2020. № 18–20. С. 97–101.

Cultural Trauma and Collective Identity / Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, and Piotr Sztompka. Berkeley, CA, and London, UK : University of California Press, 2004. doi: 10.13140/RG.2.2.14178.84166

Moss G. L. Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford, New York: Oxford University Press, 1990.

Mouffe C. Agonistics: Thinking the World Politically. London : Verso, 2013.

Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge: Cambridge UP, 1999. doi: 10.1017/CBO9781107589087

References

Anikin, D. A. (2020). Pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine kak simbolicheskii resurs: osobennosti funktsionirovaniya v religioznom soobshchestve [The memory about the Great Patriotic War as a symbolic resource: the specify of the functioning in religious community]. *Studia Humanitatis*, 1.

Batishchev, R. Yu., Belyaev, E. V., Linchenko, A. A. (2018). Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' kak aktor sovremennoi politiki pamyati: diskurs kanonizatsii [Russian Orthodox Church as the actor of modern politics of memory: the discourse of canonisation]. *Studia Humanitatis*, 1.

Cultural Trauma and Collective Identity (2004) / Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, and Piotr Sztompka. Berkeley, CA, and London, UK: University of California Press. doi: 10.13140/RG.2.2.14178.84166

Dontsev, S. P. (2018). Politika pamyati v kontekste institucional'nykh vzaimodeistvii Russkoi pravoslavnoi tserkvi i gosudarstva v sovremennoi Rossii [Politics of memory in the context of institutional interactions of the Church and the state in modern Russian]. *Politicheskaya nauka*. Moscow, 3, 110–128. doi: 10.31249/poln/2018.03.05

Laruelle, M. (2019). Stoletie 1917 v Rossii: Dvoistvennaya istoricheskaya politika gosudarstva i zakhvat istoricheskogo rynka tserkov'yu [The centenary of 1917 in Russia: dual historical politics of state and the capture of historical market by the church]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 1, 13–38.

Moss, G. L. (1990). *Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford, New York: Oxford University Press.

Mouffe, C. (2013). *Agonistics: Thinking the World Politically*. London: Verso.

Nikolai, F. V., Kobylin, I. I. (2017). Amerikanskii trauma studies i predely ikh tranzitivnosti v Rossii [American trauma studies and the limits of their transitivity in Russia]. *Filosofsko-literaturnyi zhurnal "Logos"*, 5(120), 115–136.

Razumova, I. A. (2016). Deyatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi po uvekovechivaniyu pamyati pogibshikh moryakov "Kurska" [Activities of the Russian Orthodox Church to perpetuate the memory of the "Kursk" sailors]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5(158), 7–12.

Rozhdestvenskaya, E., Semenova, V. (2011). Sotsial'naya pamyat' kak ob"ekt sotsiologicheskogo izucheniya [Social memory as an object of sociological study]. *INTER*. 6, 32–33.

Teslya, A. A. (2020). Kak menyalas' pamyat' o Vtoroi mirovoi voine [How did the memory of the Second World war change]. *Ekspert*, 18–20, 97–101.

Voronovich, A. A. (2018). Internatsionalistskii separatizm i istoricheskaya politika v nepriznannykh respublikakh Pridnestrov'ya i Donbassa [Internationalist separatism and historical politics in unrecognized republics of Transnistria and Donbass]. *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: "Nestor-Istoriya", 127–143.

Winter, J. (1999). *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge UP. doi: 10.1017/CBO9781107589087

Zherdeva, Yu. A. (2015). Rossiiskie voennye kommemoratsii v pozdnei Osmanskoi imperii (1878–1918): politicheskaya praktika i kul'turnyi mif [Russian war commemorations in the late Osman Empire (1878–1918): political practices and cultural myth]. *Konstruktivnye i destruktivnye formy mifologizatsii sotsial'noi pamyati v proshlom i nastoyashchem*. Sbornik statei i tezisov dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tambov, 92–98.

Сведения об авторе

Батищев Роман Юрьевич, младший научный сотрудник Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Information about the author

Roman Yu. Batishchev, Junior Researcher of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Статья поступила в редакцию 15.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 30.11.2022

The article was submitted 15.11.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 30.11.2022

Научная статья

УДК 271.2 + 271.22(477) + 94:159.953(470) + 323.325“1932/1933”

doi 10.15826/tetm.2022.3.039

Конструирование образа голода 1932–1933 гг. в дискурсе Русской православной церкви Московского патриархата

Владимир Олегович Беклямишев^{1,2}

¹*Саратовский государственный университет, Саратов, Россия*

²*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

bekliamishev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0528-8704>

Аннотация. Статья посвящена эволюции коммеморативной стратегии Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ МП) в отношении голода в СССР в 1932–1933 гг. На основе анализа материалов официального сайта РПЦ МП и Украинской православной церкви автором реконструируются основные этапы трансформации нарратива о данном событии и описываются направленные на его имплементацию коммеморативные практики. Особое внимание уделяется влиянию на религиозный дискурс со стороны светского дискурса о «голодоморе-геноциде», ставшего одним из основных элементов «гражданской религии» на Украине.

Ключевые слова: гражданская религия, Русская православная церковь, Украинская православная церковь, политика памяти, голодомор, голод 1932–1933 гг.

Для цитирования: Беклямишев В. О. Конструирование образа голода 1932–1933 гг. в дискурсе Русской православной церкви Московского патриархата // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 61–67. doi 10.15826/tetm.2022.3.039

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00535 «Гражданская религия в современной России: мемориальные практики и особенности теологического дискурса», <https://rscf.ru/project/22-28-00535>.

Original article

Construction of the Image of Soviet Famine of 1932–1933 in Russian Orthodox Church’s Discourse

Vladimir O. Bekliamishev^{1,2}

¹*Saratov State University, Saratov, Russia*

²*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

bekliamishev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0528-8704>

Abstract. The article considers evolution of the Russian Orthodox Church’s (ROC MP) commemorative strategy on the Soviet famine of 1932–1933. Analyzing materials from the ROC’s and the Ukrainian Orthodox Church’s

© Беклямишев В. О., 2022

official website, the author draws main stages of transformation of the narrative about this event and describes the commemorative practices aimed at its implementation. Particular attention is paid to the influence on religious discourse by the secular discourse about the “Holodomor-genocide”, which has become one of the main elements of the “civil religion” in Ukraine.

Keywords: civil religion, Russian Orthodox Church, Ukrainian Orthodox Church, politics of memory, Holodomor, Soviet famine of 1932–1933

For citation: Bekliamishev, V. O. (2022). Konstruirovaniye obraza goloda 1932–1933 godov v diskurse Russkoi pravoslavnoi tserkvi Moskovskogo patriarkhata [Construction of the Image of Soviet Famine of 1932–1933 in Russian Orthodox Church’s Discourse]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 61–67. doi 10.15826/tetm.2022.3.039

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number № 22-28-00535, <https://rscf.ru/project/22-28-00535>.

По мнению философа Д. А. Узланера, «в России динамика политизации религии — и прежде всего православного христианства — во многом подчиняется логике того напряжения, которое существует между глобализацией и принципом национального суверенитета» [Узланер, 362]. В условиях все более интенсивной «конкуренции идентичностей» религиозные сообщества, стремящиеся к самосохранению, действительно вынуждены соотносить свои стратегии интерпретации социальной реальности с доминирующими дискурсами национальных государств. Однако в случае Московского патриархата поддержание «симфонии» в отношениях со светской властью входит в противоречие со стремлением сохранить влияние на своей канонической территории, охватывающей не только Россию, но и ряд бывших советских республик, использующих образ Москвы в качестве конституирующего идентичность «Другого».

В ходе проведенного исследования нами была рассмотрена эволюция стратегий коммеморации голода 1932–1933 гг. в дискурсе Московского патриархата. Интерес к этому трагическому эпизоду советской истории обуславливается развернувшейся вокруг него российско-украинской «войной памяти», в ходе которой Русская православная церковь (РПЦ МП) и дочерняя по отношению к ней Украинская православная церковь (УПЦ МП) оказались по разные стороны баррикад. Обусловленные этим обстоятельством линии напряжения позволяют наглядно продемонстрировать столкновение универсалистской логики религиозного дискурса с партикулярной логикой гражданской религии на поле конкуренции исторических интерпретаций.

Формирование образа голода 1932–1933 гг. в светских политических дискурсах подробно исследовалось как с исторических, так и с политологических позиций. С первой половины 1990-х гг. в публичном поле на постсоветском пространстве конкурируют два исторических нарратива об этом событии. Первая точка зрения, обосновываемая российской историографией, заключается в том, что голод 1932–1933 гг., причиной которого стала сталинская аграрная политика, одновременно затронул несколько советских республик, включая регионы РСФСР, и потому должен рассматриваться как «трагедия всей советской деревни» [Кондрашин, 119]. Второй нарратив, сформировавшийся «в среде идеологически активной части украинской диаспоры в первой половине 1980-х гг.» [Касьянов, 277], обособляет голод 1932–1933 гг. на Украине как специфический украинский феномен — «голодомор-геноцид», якобы направленный против народа Украины с целью недопущения выхода УССР из состава Советского Союза.

Отметим, что хотя конструирование представлений о голодоморе на государственном уровне началось на Украине еще в 1993 г. (в 60-ю годовщину трагедии), именно приход к власти президента В. А. Ющенко (2005–2010) «поставил историческую политику во главу угла идеологии строительства нации, а проблему голода 1932–1933 гг. — в центр исторической политики» [Там же, 293], чем побудил Россию более активно включиться в инициированную Киевом «войну памяти».

В этих условиях Московский патриархат предпочел занять компромиссную позицию. 25 ноября 2006 г. в Богоявленском патриаршем соборе по благословению патриарха Алексия II

впервые было совершено заупокойное моление о жертвах голода на Украине и в других частях бывшего СССР. Панихиду об упокоении «всех, в годину безбожного властительства от глады скончавшихся» посетили посол Украины О. А. Демин и многие представители украинской общественности.

Перед началом богослужения к собравшимся обратился заместитель главы Отдела внешних церковных связей РПЦ МП протоиерей В. А. Чаплин, связавший трагедию голода 1932–1933 гг. с предшествовавшими ей событиями 1922 г., когда советская власть обвинила Церковь в том, что она якобы не помогала голодающим, а затем развернула масштабные репрессии против духовенства. При этом была намечена и оптимальная (в контексте религиозного дискурса) коммеморативная стратегия. «Не речи, не митинги, не уныние или отчаяние, а именно молитва является лучшей данью памяти», — подчеркнул о. Всеволод [В Богоявленском кафедральном соборе...].

Впоследствии традиция подобного поминовения жертв голода 1932–1933 гг. в российских храмах (прихожане которых выступали с соответствующей инициативой), включая приходы Московского патриархата за рубежом, стала ежегодной и вплоть до 2013 г. предполагала участие официальных лиц с украинской стороны. Вместе с тем распространение статуса жертв голодомора на представителей всех пострадавших республик СССР, а также размывание хронологических границ, включение в нарратив о «голоде в СССР» как более ранних (голод 1921–1922 гг.), так и более поздних (голод 1946–1947 гг.) эпизодов, наглядно демонстрировали стремление Московского патриархата символически дистанцироваться от этноцентричного нарратива о «голодоморе-геноциде».

Противоречия обнажились осенью 2008 г. в контексте подготовки к 75-й годовщине голодомора, призванной увенчать трехлетнюю идеологическую кампанию, инициированную президентом В. А. Ющенко. Еще 24 июня, выступая на Архиерейском соборе РПЦ, патриарх Алексей II указал на то, что массовый насильственный голод 1932–1933 гг. охватил не только Украину, но также Поволжье, Северный Кавказ, Южный Урал, Западную Сибирь и Казахстан. Предстоятель РПЦ подчеркивал,

что «память о пострадавших должна служить не поводом для политических спекуляций, а побуждением к духовному единению народов, у которых общая история и общая судьба» [Святейший Патриарх Алексей...], однако его предупреждение не возымело действия.

Заявление Синода УПЦ МП, размещенное на одном из двух его официальных ресурсов 17 ноября 2008 г., шло вразрез с предложенной трактовкой и вызвало в России широкий негативный резонанс. В документе утверждалось, что «в 1930-е годы Украина впервые пережила искусственный голод, массовое убийство миллионов граждан, циничное, целеустремленное, безжалостное» [Обращение...]. И хотя виновником трагедии был назван советский режим (без конкретной географической локализации), заявление продемонстрировало очевидный раскол в УПЦ, часть иерархов которой ориентировалась на этноцентричный нарратив. В этой связи симптоматична попытка отрицания своего участия в подписании этого документа со стороны митрополита Одесского и Измаильского Агафангела: «Обращение на тему голодомора на Синоде не обсуждалось, текст нам не предлагался» [Митрополит Одесский и Измаильский...]. Вместе с тем подписи других украинских иерархов, в том числе митрополита Киевского и всея Украины Владимира, стоящие под обращением, ими не оспаривались.

Разъясняя позицию Синода УПЦ МП, викарий митрополита Киевского епископ Александр отметил, что цели признать эту трагедию «именно фактом геноцида» не стояло. При этом, отвечая на вопрос журналиста «Как может отразиться это обращение на отношениях с РПЦ?», иерарх заявил: «Наша якобы полная подчиненность Московскому патриархату — миф, сфабрикованный для дискредитации нашей Церкви» [Епископ Переяслав-Хмельницкий...]. Перед лицом назревавшего конфликта Московский патриархат пошел на уступки дочерней церкви, подтвердив, что, хотя заявление Синода УПЦ МП и разрабатывалось независимо от Москвы, «для многих священнослужителей и мирян нашей Церкви близки те его мысли, которые касаются осуждения большевистских преступлений» [Там же]. В январе следующего года и.о. секретаря ОВЦС РПЦ МП Г. А. Рябых, комментируя политику

Украины по признанию голодомора геноцидом, вновь указал, что «действовать в таких ситуациях нужно позитивно, хотя попытки манипулировать трагическими событиями... не могут нас глубоко не ранить». В качестве примера такого «позитивного действия» было предложено признать четвертую субботу ноября днем памяти жертв голодомора и для Украины, и для России, «чтобы не происходило разделения в календаре памятных дат двух народов» [Память...].

Следующий этап эволюции нарратива о голоде 1932–1933 гг. связан с визитом в Киев новоизбранного патриарха Кирилла. Официальным поводом для этой пастырской поездки стало празднование в 2009 г. 1021-летия Крещения Руси, однако ее фактической целью было недопущение углубления внутривославного раскола на Украине (буквально за день до визита председателя РПЦ президент В. А. Ющенко вновь заявил о необходимости создания автокефальной украинской православной церкви) [Верующие...]. Одним из пунктов программы пребывания патриарха в Киеве значилось посещение торжественно открывшегося в 2008 г. Национального музея Голодомора-геноцида. Симптоматично, что это решение было противопоставлено зарубежной прессой символическим действиям президента России Д. А. Медведева, в 2008 г. отказавшегося почтить память жертв Голодомора и направившего В. А. Ющенко резкое письмо с критикой официального украинского нарратива об этом событии [Kirill's Visit...] (отметим, что в 2010 г. Д. А. Медведев все же посетил этот Национальный музей Голодомора-геноцида с новым президентом Украины В. Ф. Януковичем, чья интерпретация событий голода 1932–1933 гг. была комплементарна российской) [Виктор Янукович...].

В развернутом интервью «Российской газете», данном председателем Синодального информационного отдела РПЦ МП В. Р. Легойдой за несколько дней до патриаршего визита в Киев, посещение Национального музея Голодомора-геноцида было названо «соучастием в переживаниях своей паствы». При этом отмечалось, что молебны об упокоении «всех, в годину безбожного владычества от глада скончавшихся» служатся в храмах РПЦ ежегодно. Символично уточнение:

«В богослужебных текстах не бывает случайностей, а потому слова “обо всех скончавшихся” принципиально важные» [Владимир Легойда...].

Не менее показательна и дискурсивная стратегия, выбранная самим патриархом Кириллом на церемонии 27 июля. Выступая в присутствии митрополита Киевского и всея Украины Владимира, а также президента Украины В. А. Ющенко, председатель РПЦ апеллировал к личной памяти, рассказав притчу о чудесном спасении семьи его бабушки во время страшного голода в Поволжье. С одной стороны, форма апелляции к сакральному соответствовала принципам построения религиозного дискурса, с другой — сама география описываемых событий указывала на тот факт, что от «искусственного голода» пострадала не только Украина [Слово Святейшего Патриарха...]. Отметив недопустимость использования трудных периодов истории для формирования «братоненавистнической историософии», патриарх Кирилл подчеркнул, что хотя он и пребывает в Москве, его каноническая территория распространяется на все постсоветское пространство: «В этом нет никакого империализма... но есть ясная православная эkkлезиология: Патриарх — это отец для всех» [Там же].

Следует отметить, что посещение председателем РПЦ Национального музея Голодомора-геноцида в Киеве не было единственным актом церковной дипломатии, связанным с коммеморацией голода 1932–1933 гг. В 2012 г. в рамках визита в Астану на IV Съезд лидеров мировых и традиционных религий патриарх Кирилл снова принял участие в церемонии открытия монумента жертвам голодомора [Святейший Патриарх Кирилл...]. Однако, в отличие от украинского случая, этот эпизод был сглажен комплементарной позицией президента Казахстана Н. А. Назарбаева, в своем выступлении призвавшего не политизировать тему голода 1932–1933 гг. [Дерендяева, 127].

Политический кризис 2013–2014 гг. на Украине, резко обостривший российско-украинские отношения, существенно ослабил потенциал церковной дипломатии. Связи РПЦ и УПЦ начали сворачиваться, фактически прекратившись весной 2022 г. под влиянием начавшейся специальной военной операции Вооруженных

сил России на территории Украины [Артеев, Сигачев]. С 2014 г. прервалась традиция поминовения жертв голодомора в храмах РПЦ МП, однако ежегодные мемориальные мероприятия по этому поводу, проводившиеся УПЦ, продолжали освещаться на официальном сайте Московского патриархата. В этой связи символическим выглядит богослужение в храмах УПЦ МП, состоявшееся 22 ноября 2018 г. В контексте наметившегося раскола между Московским и Константинопольским патриархатами вслед за поминовением жертв голодомора по благословению митрополита Киевского и всея Украины была вознесена сугубая молитва о мире на Украине и о единстве Православной церкви [В Неделю 26-ю...].

Вторжение Константинопольского патриархата на каноническую территорию Москвы, выразившееся в создании альтернативной УПЦ МП «Православная церковь Украины», неизбежно делало память о голодоморе предметом символического оспаривания со стороны патриарха Варфоломея. 28 ноября 2020 г. Константинопольский патриарх впервые произнес проповедь по случаю отмечаемого на Украине «дня памяти голодомора», где подчеркнул геноцидальный характер сталинской политики в отношении украинского крестьянства [Крокодилы слезы...].

В ответ на сайте Московского патриархата была размещена статья протоиерея А. В. Новикова, члена Синодальной библейско-богословской комиссии РПЦ, в которой вновь повторялась мысль о том, что «голод начала 30-х гг. был направлен не против этнической группы украинцев или Украины, как национально-территориального образования в рамках Советского Союза, но против всего крестьянства страны, в котором видели опору прежней православной России». Стремясь оспорить легитимность заявлений Константинопольского патриархата, автор подчеркивал, что сами термины «голодомор» и «геноцид» были запущены «в среде

радикально националистической, симпатизировавшей нацизму и зачастую сотрудничавшей с ним западно-украинской эмиграции в США и Канаде». Наконец, отмечалось, что голод прокатился по канонической территории РПЦ, а не Фанара, поэтому, «в отличие от Варфоломея, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл не понаслышке знает о страданиях русского народа в 1932–33 гг.» [Крокодилы слезы...].

Резюмируя изложенное, следует выделить три основных этапа эволюции дискурса РПЦ МП о голоде 1932–1933 гг.

На первом этапе (2006–2007) Московский патриархат принимал активное участие в коммеморации голодомора, формируя совместную с УПЦ МП «инфраструктуру памяти» об этом событии, выстраиваемую вокруг ежегодного молитвенного поминовения жертв советской политики.

На втором этапе (2008–2013) к традиционному символическому противостоянию Московского патриархата с неканоническими церквями на Украине добавились внутренние разногласия по вопросам коммеморации голода 1932–1933 гг. между РПЦ и УПЦ. Именно в этот период тезис о том, что трагедия голода затрагивала не только этнических украинцев, впервые заостряется и выходит на первый план, после чего вновь снимается в силу изменения официального украинского нарратива (с приходом к власти президента В. Ф. Януковича).

Третий этап (2014–2022) связан с постепенным перемещением темы голодомора на периферию дискурса РПЦ МП: в ноябре 2022 г. очередной день памяти жертв голода 1932–1933 гг. впервые не был отмечен даже размещением информационного сообщения на официальном сайте, а все внимание оказалось смещено к теме голода 1921–1922 гг. [Послание Святейшего Патриарха...], 100-летняя годовщина которого отмечалась на самом высоком церковном уровне.

Список источников

Артеев С. П., Сигачев М. И. Новый раскол: церковная дипломатия и Украинский кризис // Право и управление. XXI век. 2022. № 3 (64). С. 3–9.

В Богоявленском кафедральном соборе Москвы прошла панихида о упокоении «всех, в годину безбожного владычества от глаза скончавшихся» // Официальный портал Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/165021.html> (дата обращения: 08.12.2022).

В Неделю 26-ю по Пятидесятнице Блаженнейший митрополит Онуфрий возглавил Литургию в Киево-Печерской лавре // Официальный портал Московского патриархата. URL: <http://eparchia.patriarchia.ru/db/text/5311629.html> (дата обращения: 08.12.2022).

Верующие встретились крест на крест. Патриарх Кирилл начал 10-дневный визит в Киев // Онлайн-издание «Газета.Ру». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2009/07/27/3227899.shtml> (дата обращения: 08.12.2022).

Виктор Янукович: Признать голодомор как геноцид того или иного народа неправильно и несправедливо // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2010/04/27/golodomor-anons.html> (дата обращения: 08.12.2022).

Владимир Легойда: Массовый голод 30-х годов — боль чад всей Русской православной церкви // Официальный портал Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/702932.html> (дата обращения: 08.12.2022).

Дерендяева А. Д. Голод 1930-х годов в Казакской (Казакской) АССР: влияние современного кинематографа на конструирование идентичности // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 124–132.

Епископ Переяслав-Хмельницкий Александр и протоиерей Всеволод Чаплин дали оценку попыткам приравнять голодомор к геноциду // Официальный портал Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/489979.html> (дата обращения: 08.12.2022).

Касьянов Г. В. Историческая политика в Украине и Голодомор // Прошлый век. 2013. № 1. С. 277–337.

Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов — общая трагедия народов СССР // Изв. ПГУ им. В. Г. Белинского. 2009. № 15. С. 117–120.

Крокодилы слезы фанарского владыки // Официальный портал Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5736673.html> (дата обращения: 08.12.2022).

Митрополит Одесский и Измаильский Агафангел: Обращение на тему голодомора на Синоде не обсуждалось, текст нам не предлагался // Портал Православие.Ru. URL: <https://pravoslavie.ru/28387.html> (дата обращения: 08.12.2022).

Обращение Священного Синода УПЦ МП по случаю скорбной даты — 75-й годовщины голодомора 1932–1933 годов в Украине // Интернет-журнал «Религия и СМИ». URL: http://www.religare.ru/2_59394.html (дата обращения: 08.12.2022).

Память — не повод для спекуляций // Журнал «Фома». URL: <https://foma.ru/pamyat-ne-povod-dlya-spekulyaczij.html> (дата обращения: 08.12.2022).

Послание Святейшего Патриарха Кирилла, посвященное 100-летию подвига новомучеников и исповедников Церкви Русской при изъятии церковных ценностей // Официальный портал Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5865599.html> (дата обращения: 08.12.2022).

Святейший Патриарх Алексей: память о пострадавших от проводившейся безбожной властью политики в отношении крестьянства должна служить не поводом для политических спекуляций, а побуждением к духовному единению народов, у которых общая история и общая судьба // Официальный портал Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/426583.html> (дата обращения: 08.12.2022).

Святейший Патриарх Кирилл принял участие в работе IV Съезда лидеров мировых и традиционных религий // Официальный портал Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2258141.html> (дата обращения: 08.12.2022).

Слово Святейшего Патриарха Кирилла после возложения цветов к мемориалу жертвам массового голода // Официальный портал Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/705092.html> (дата обращения: 08.12.2022).

Узланер Д. А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020.

Kirill's Visit Exposes Dangers in Moscow-Kiev Ties // NYT. URL: <https://www.nytimes.com/2009/08/07/world/europe/07iht-orthodox.html?ref=world> (accessed: 08.12.2022).

References

Arteev, S. P., Sigachev, M. I. (2022). Novyj raskol: cerkovnaya diplomatiya i Ukrainskij krizis [A New Schism: Church Diplomacy and the Ukrainian Crisis]. *Pravo i upravlenie. XXI vek.* 3(64), 3–9.

V Bogoyavlenskoy kafedral'nom sobore Moskvy proshla panihida o upokoenii "vsekh, v godinu bezbozhnogo vlastitel'stva ot glada skonchavshih'sya" [In the Epiphany Cathedral of Moscow, a Memorial Service was Held for the Repose of "All Who Died in the Year Of Godless Rule from the Gladness of the Deceased"]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/165021.html> (accessed: 08.12.2022).

Derendyaeva, A. D. (2022). Golod 1930-h godov v Kazakskoj (Kazahskoj) ASSR: vliyanie sovremennogo kinematografa na konstruirovaniye identichnosti [The Famine of the 1930s in the Kazak (Kazakh) ASSR: Influence of Modern Cinema on the Identity Construction]. *Istoricheskij kur'er*, 1 (21), 124–132.

Episkop Pereyaslav-Hmel'nickij Aleksandr i protoierej Vsevolod Chaplina dali ocenku popytкам priravnyat' golodomor k genocidu [Bishop Alexander Pereyaslav-Khmelnitsky and Archpriest Vsevolod Chaplin Assessed the Attempts to Equate the Holodomor with Genocide]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/489979.html> (accessed: 08.12.2022).

Kas'yanov, G. V. (2013). Istoricheskaya politika v Ukraine i Golodomor [Historical politics in Ukraine and the Holodomor]. *Proshlyj vek.* 1, 277–337.

Kirill's visit exposes the dangers in relations between Moscow and Kiev. NYT. URL: <https://www.nytimes.com/2009/08/07/world/europe/07iht-orthodox.html?ref=world> (accessed: 08.12.2022).

Kondrashin, V. V. (2009). Golod 1932–1933 godov — obshchaya tragediya narodov SSSR [Famine 1932–1933 — the general tragedy folk USSR]. *Izvestiya PGU im. V. G. Belinskogo.* 15, 117–120.

Krokodil'i slezy fanarskogo vладыki [Crocodile Tears of the Phanar Bishop]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5736673.html> (accessed: 08.12.2022).

Mitropolit Odesskij i Izmail'skij Agafangel: Obrashchenie na temu golodomora na Sinode ne obsuzhdalos', tekst nam ne predlagalsya [Metropolitan Agafangel of Odessa and Izmail: The Appeal on the Holodomor was not Discussed at the Synod, the Text was not Offered to us]. URL: <https://pravoslavie.ru/28387.html> (accessed: 08.12.2022).

Obrashchenie Svyashchennogo Sinoda UPC MP po sluchayu skorbnoj daty — 75j godovshchiny golodomora 1932–1933 godov v Ukraine [Address of the Holy Synod of the UOC–MP on the Occasion of the Mournful Date — the 75th anniversary of the Holodomor of 1932–1933 in Ukraine]. URL: http://www.religare.ru/2_59394.html (accessed: 08.12.2022).

Pamyat' — ne povod dlya spekulyacij [Memory is Not a Reason for Speculation]. URL: <https://foma.ru/pamyat-ne-povod-dlya-spekulyacij.html> (data obrashcheniya: 08.12.2022).

Poslanie Svyatejshego Patriarha Kirilla, posvyashchennoe 100-letiyu podviga novomuchenikov i ispovednikov Cerkvi Russkoj pri iz'yatii cerkovnyh cennostej [The Message of His Holiness Patriarch Kirill Dedicated to the 100th Anniversary of the Feat of the New Martyrs and Confessors of the Russian Church During the Seizure of Church Valuables]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5865599.html> (accessed: 08.12.2022).

Slovo Svyatejshego Patriarha Kirilla posle vozlozheniya cvetov k memorialu zhertvam massovogo goloda [The Word of His Holiness Patriarch Kirill after Laying Flowers at the Memorial to the Victims of Mass Famine]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/705092.html> (accessed: 08.12.2022).

Svyatejskij Patriarh Aleksij: pamyat' o postradavshih ot provodivshejsya bezbozhnoj vlast'yu politiki v otnoshenii krest'yanstva dolzhna sluzhit' ne povodom dlya politicheskikh spekulyacij... [His Holiness Patriarch Alexy: the Memory of the Victims of the Godless Government's Policy Towards the Peasantry Should Not Serve as a Reason for Political Speculation...]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/426583.html> (accessed: 08.12.2022).

Svyatejskij Patriarh Kirill prinyal uchastie v rabote IV S'ezda liderov mirovyh i tradicionnyh religij [His Holiness Patriarch Kirill took part in the Work of the IV Congress of Leaders of World and Traditional Religions]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2258141.html> (accessed: 08.12.2022).

Uzlaner, D. A. (2020). *Postsekulyarnyj povорот. Kak myslit' o religii v XXI veke* [Post-secular turn. How to think about religion in the 21st century]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara.

V Nedelyu 26-yu po Pyatidesyatnice Blazhennejshij mitropolit Onufrij vozglavil Liturgiyu v Kievo-Pecherskoj lavre [On the 26th Week of Pentecost, His Beatitude Metropolitan Onufriy Led the Liturgy at the Kiev Pechersk Lavra]. URL: <http://eparchia.patriarchia.ru/db/text/5311629.html> (accessed: 08.12.2022).

Veruyushchie vstretilis' krest na krest. Patriarh Kirill nachal 10-dnevnyj vizit v Kiev [Believers Met Cross to Cross. Patriarch Kirill has begun a 10-day Visit to Kiev]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2009/07/27/3227899.shtml> (accessed: 08.12.2022).

Viktor Yanukovich: Priznavat' golodomor kak genocid togo ili inogo naroda nepravil'no i nespravedlivo [Viktor Yanukovich: It is wrong and unfair to recognize the Holodomor as the genocide of a particular people]. URL: <https://rg.ru/2010/04/27/golodomor-anons.html> (accessed: 08.12.2022).

Vladimir Legojda: Massovyy golod 30-h godov — bol' chad vsej Russkoj pravoslavnoj cerkvi [Vladimir Legoyda: Mass famine of the 30s — the pain of the children of the entire Russian Orthodox Church]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/702932.html> (data accessed: 08.12.2022).

Сведения об авторе

Беклямишев Владимир Олегович, младший научный сотрудник Саратовского государственного университета, Саратов, Россия; старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022;
одобрена после рецензирования 15.12.2022;
принята к публикации 15.12.2022

Information about the author

Vladimir O. Bekliamishev, Junior Research Fellow, Saratov State University, Saratov, Russia; Senior Lecturer, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

The article was submitted 01.12.2022;
approved after reviewing 15.12.2022;
accepted for publication 15.12.2022

Научное издание

TEMPUS ET MEMORIA

2022. Т. 3. № 2

Редактор и корректор
Компьютерная верстка

Т. А. Федорова
Л. А. Хухаревой

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-79281 от 02 октября 2020 г.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 23.12.2022. Формат 64 × 84 1/8. Гарнитура Charter.
Уч.-изд. л. 7,12. Объем данных 1,1 Мб.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

Данное электронное сетевое издание размещено в электронном архиве УрФУ:
<http://elar.urfu.ru>